
Предисловие

В современном мире большое значение придается благотворительности как одному из факторов стабильного развития общества. Для России эта проблема имеет особую актуальность. Массовое обнищание населения, глубокий разрыв между бедностью и богатством, ослабление системы социальной защиты создают угрозу устойчивому развитию одной из самых богатых природными ресурсами стран мира. Благотворительность не является панацеей от социальных недугов, но она обладает значительным потенциалом в решении социальных проблем. После десятилетий поругания и забвения благотворительность вновь вошла в нашу жизнь, и вместе с тем возродился интерес к ее истории. Исторический опыт благотворительности востребован в наши дни, но именно в этой области исторических знаний бытует множество вымыслов и легенд.

Историкам пришлось заново осваивать «затонувший континент», как назвала историю российской благотворительности известная американская исследовательница Адель Линденмайер, ставшая первопроходцем ее изучения в современной историографии. Теперь можно утверждать, что «открытие Атлантиды» состоялось. Уже многое сделано, но на карте «затонувшего континента» остается немало белых пятен. На первых порах сказалось увлечение новой проблематикой, некоторые историки не избежали правоучительного тона, восхваления благотворительности и преувеличения ее спасительной роли в предотвращении социальных катаклизмов. В публикуемой в данном сборнике статье Адель Линденмайер рассматривает основные тенденции изучения благотворительности и намечает новые направления исследований. Автор считает, что настало время углубленных концептуальных исследований в этой области, и ратует за тщательный анализ фактов, внимание к нюансам, взвешенный подход к изучению благотворительности во всем ее многообразии.

Потребность совершать добрые дела, чувства сострадания и милосердия присущи людям независимо от их национальности и вероисповедания. Тем не менее, благотворительность у разных народов имела свои особенности. Большое

влияние на благотворительность оказала религия. В Древней Руси сирые и убогие находили кров и пропитание при церквах и монастырях, княжьих палатах и домах благочестивых соотчичей. Почти при каждой церкви имелась одна или несколько «нищенских изб», при соборах и монастырях устраивались кельи, скудельницы и богадельни для престарелых, больных, увечных и подкидышей. В голодные годы тысячи людей кормились подаением в монастырях. При некоторых из них существовали нищенские слободки, заселенные оскуделым людом. Самой распространенной формой благотворительности была милостыня, которая дополняла церковное богослужение и подавалась из любви к ближнему, во искупление грехов и спасение души самого милостивца.

В статье С.А. Исаева исследуются особенности отношения христианских конфессий и объединений к благосостоянию и материальному обустройству земной жизни. Традиции, имеющие религиозное происхождение, до сих пор оказывают влияние на хозяйственную деятельность и экономическое поведение индивидов и целых коллективов. Рыночная экономика не исключает необходимости нерыночных механизмов распределения материальных благ. По мнению автора, различия между христианскими церквами, хотя и опосредованно, продолжают отражаться на характере благотворительности в наши дни. Однако особенности отношения к земным благам и благотворительности не являются неизменными.

С течением времени в истории русской благотворительности наметился поворот от традиционного церковного «нищелюбия» к секуляризованной организации призрения. Стоглавый собор, созванный в 1551 г. Иваном Грозным «во исправление церковного благочиния, государственного управления и всякого земского строения», постановил для «всех прокаженных и престаревшихся <...> в каждом граде устроить богадельни мужские и женские» на средства казны и под управлением «градских целовальников». Борисом Годуновым впервые были заведены общественные работы для голодающих.

В 1682 г., в царствование Федора Иоанновича, было заявлено намерение «разобрать» нищих и, как «во всех странах Еуропских», возбранить им просить милостыню, поместить дряхлых и увечных в шпитальни или богадельни, а здоровых и притворных нищих принудить «хлеб свой заживать работою или каким ремеслом к общенародной пользе». Влияние протестантизма обнаруживается в указах Петра I, который повелел сурово карать «здравых и ленивых прошаков», запретил просить и подавать милостыню под страхом штрафа и гораздо более тяжелых наказаний по отношению к нищим — вплоть до каторжных работ. Наряду с карательными мерами Петр I поручил городским магистратам и монастырям озаботиться устройством богаделен, госпиталей и школ. Впрочем, великий государь не слишком преуспел в борьбе с нищенством, но с той поры государство своей «социальной политикой» во многом стало определять направление развития призрения и благотворительности в стране.

Запреты, угрозы и жестокие наказания мало помогали. В эпоху просвещенного абсолютизма были приняты меры к предупреждению нищенства. Важным событием стало учреждение в 1763 г. Московского воспитательного дома. В статье Т.Г. Фруменковой обстоятельно и всесторонне прослеживается изменение статуса и состава Опекунского совета, выясняются права опекунов Московского воспитательного дома и его Петербургского отделения, а также круг их обязанностей по руководству, решению финансовых вопросов и защите привилегий

этих заведений в царствование Екатерины II. В 1775 г. Учреждением о губерниях были введены Приказы общественного призрения, на которые возлагались обязанности по оказанию помощи нуждающимся. К этой деятельности попытались привлечь общественные силы. Еще в 1765 г. была основана первая общественная организация — Вольное экономическое общество, цель которого заключалась в развитии сельского хозяйства и предотвращении обнищания народа.

В начале XIX в. по частной инициативе возникли крупные общественные организации, ставившие перед собой благотворительные цели, — Человеколюбивое общество (1802 г.) и Женское патриотическое общество (1812 г.). Однако их деятельность велась под жестким контролем и при участии государства, что придавало им несколько бюрократический характер. В 1828 г. было образовано IV Отделение Собственной его императорского величества канцелярии, в 1854 г. получившее название Ведомства учреждений императрицы Марии — в честь императрицы Марии Федоровны, которая со времени воцарения своего супруга императора Павла управляла воспитательными и родовспомогательными заведениями, детскими приютами, женскими институтами и училищами. Человеколюбивое общество, Женское патриотическое общество и особенно Ведомство учреждений императрицы Марии вплоть до 1917 г. оказывали сильное влияние на развитие благотворительности в стране.

Статья Л.Г. Рогушиной посвящена одному из аспектов деятельности Человеколюбивого и Женского патриотического обществ — попечению о девочках-сиротах в начальный период существования этих обществ. Г.Н. Ульянова, внесшая существенный вклад в изучение национального опыта российской благотворительности, в своей статье останавливается на важной проблеме, которая прежде ускользала от внимания историков. Автор сосредоточивается на изучении недвижимой собственности как материального ресурса Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества в XIX — начале XX в. В результате распространения практики пожертвований недвижимой собственности и начавшегося в последней четверти XIX в. строительства собственных доходных домов Мариинского ведомства и Человеколюбивого общества образовался значительный фонд недвижимости, доходы от аренды которой поступали на содержание благотворительных заведений. Одновременно развивалась юридическая база, регулировавшая передачу и использование недвижимости и доходов с нее на нужды благотворительности.

Под эгидой этих и других «установлений, на особых основаниях управляемых» и тесно примыкавших к органам государственной власти, сформировалась разветвленная сеть благотворительных учреждений, обществ и заведений. В этом заключалась особенность российской организации социальной помощи. Такой порядок позволял государству в значительной мере аккумулировать частные пожертвования, направлять и контролировать благотворительную деятельность в стране. Каждое министерство и ведомство создавало свои благотворительные структуры. Более половины всех благотворительных обществ и заведений находились в ведении Министерства внутренних дел. Функции министерства по отношению к этим благотворительным обществам заключались главным образом в утверждении их уставов, за соблюдением которых следили местные власти, а также в рассмотрении отчетов об их деятельности в тех случаях, когда общества ходатайствовали о предоставлении им денежных пособий. Однако благотворительные учреждения и

организации распределялись по стране весьма неравномерно, концентрируясь в ее европейской части, преимущественно в столицах и крупных городах. Для такой гигантской страны, как Россия, их было до крайности недостаточно. В сети благотворительных организаций зияли огромные прорехи.

На разных этапах истории России изменялись формы и направления благотворительной деятельности, а также соотношение сил, занятых в сфере помощи нуждающемуся населению, — церкви, государства, сословных обществ, органов местного самоуправления, общественных организаций и частных лиц. С введением земских учреждений (1864) и учреждений городского общественного управления (1870) им были переданы обязанности Приказов общественного призрения вместе с их «богоугодными заведениями», находившимися по большей части в плачевном состоянии. Упрочилась тенденция к организации благотворительности на «рациональных началах».

Подъем общественной активности выразился в создании многочисленных благотворительных обществ, бурный рост которых произошел в конце XIX – начале XX в. Массовый характер приобрела помощь голодающим в 1892–1893 гг. Страшное народное бедствие вызвало живой отклик в разных слоях русского общества. Распространению благотворительных обществ способствовало значительное облегчение процедуры их открытия и выработка типовых уставов, в частности, примерного устава обществ пособия бедным 1897 г. Такие общества утверждались губернатором без излишних бюрократических формальностей и проволочек. Временные правила об обществах, союзах и собраниях 4 марта 1906 г. упростили создание общественных организаций, хотя и сохранили контроль за ними со стороны губернаторов. Тем самым была создана более благоприятная почва для открытия всевозможных благотворительных обществ.

Особым размахом благотворительной деятельности отличались москвичи. Активную позицию в борьбе с нуждой занимало Московское городское общественное управление. С конца 1894 г. в Москве стали создаваться городские участковые попечительства о бедных по образцу существовавших в немецком городе Эльберфельде. Таким образом был подан пример рациональной организации благотворительной помощи с ярко выраженным стремлением к ее индивидуализации и децентрализации. В статье О.В. Динеевой рассмотрены благотворительные инициативы московских городских властей в деле помощи безработным в начале XX в. Приступить к претворению в жизнь этих инициатив московское городское самоуправление смогло благодаря значительным частным пожертвованиям.

Наряду с активизацией общественности и внедрением новых институциональных форм благотворительности продолжала существовать сословная благотворительность. Хотя в этот период значение благотворительной деятельности сословных обществ (дворянских, мещанских, ремесленных, крестьянских) несколько снизилось, сохраняло свои позиции в благотворительности купеческое сословие. Высокой организованностью, нравственной ответственностью и щедрыми пожертвованиями выделялись купцы-старообрядцы, благотворительная деятельность которых развивалась в сложных условиях правительственных гонений. Е.А. Каменева в своей статье прослеживает развитие благотворительности петербургских старообрядцев разных согласий и толков в XVIII – первой половине XIX в. Купцы-старообрядцы, как и купечество в целом, совершали

«богоугодные дела» не только по отношению к «своим», но и к «чужим» по вере, сословию и национальности. В статье О.К. Павловой на материалах Петербурга показан весомый вклад купеческого сословия в развитие социальной сферы города во второй половине XIX – начале XX в.

Важную роль в «адаптации» иностранцев в России играли создававшиеся ими благотворительные общества, которые оказывали разнообразную помощь соотечественникам. В Петербурге действовали швейцарское, французское, германское, итальянское, английское, бельгийское и т. п. благотворительные общества. Примечательно, что иностранные предприниматели не замыкались в рамках своих национальных объединений, а активно участвовали в общественной жизни города. Как подчеркивается в статье М.Н. Барышникова и К.К. Вишнякова-Вишневецкого, широкая благотворительная деятельность иностранцев в Петербурге в начале XX в. способствовала установлению ими неформальных общественных связей, повышению их деловой репутации и авторитета не только в столичных торгово-промышленных кругах, но и среди городского населения, что, в свою очередь, благоприятным образом отражалось на успешности их предпринимательской деятельности.

В новые формы облекалась и благотворительность Русской православной церкви. В статье Н.Г. Дружинкиной неоднозначно оценивается деятельность петербургских церковно-приходских попечительств, православных братств, обществ распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, попечительств о народной трезвости и других церковно-приходских благотворительных обществ в конце XIX – начале XX в. Дружинкина отмечает позитивную роль церкви в упрочении национальных традиций и вспомоществовании населению в различных сферах образования, культуры и быта, но вместе с тем указывает на слабые стороны церковно-приходских обществ.

Причины их инертного развития автор видит в «нестроениях» в церковно-государственных отношениях, бюрократизации церковного управления, идейном размежевании духовенства, нарастании оппозиционных настроений, замкнутости и малообразованности духовного сословия, бедности приходского духовенства и прихожан, падении авторитета православной церкви, распространении атеизма и уходе из лоно церкви мирян. Одна из первоочередных задач заключалась в реформировании прихода и предоставлении ему прав юридического лица. Нерасторжимая связь с государством препятствовала свободе внутреннего развития церкви в соответствии с православными канонами. Системный кризис государственной власти охватывал и православную церковь как опору самодержавия и часть структуры государственного управления.

С иных позиций подходит к изучению церковно-приходской благотворительности Е.Ю. Апкаримова. На конкретном фактическом материале автор рассматривает деятельность церковно-приходских попечительств и православных братств на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. В помощи нуждалась не только паства, но и сами пастыри. Церковная благотворительность распространялась на бедняков духовного звания, их вдов и сирот, причем на пособия духовенству выделялись самые значительные суммы. Церковно-приходские общества заботились об увеличении благотворительных средств и их рачительном расходовании, сотрудничали с другими благотворительными организациями и вели поиск рациональных способов благотворительности.

Возможно, масштаб деятельности уральских попечительств и средства, которыми они располагали, кому-то покажутся весьма скромными, но многим людям эти рубли и копейки помогли в беде.

Церковь — великая утешительница и наставница. Повсюду конфессиональные благотворительные организации занимали и занимают видное место в оказании помощи нуждающимся. Не случайно именно церковь в наши дни проявляет обеспокоенность нравственным состоянием общества, взывает к совести сильных мира сего и напоминает слова апостола Павла: «Спешите творить добро». Добрые дела творят верующие и неверующие. Мотивы у благотворителей бывают разные — нравственные, религиозные, гражданские, патриотические, идейные, честолюбивые, деловые и пр. Каковы бы ни были побуждения благотворителей — возвышенные или приземленные, все они благо творят или, по крайней мере, стремятся к этому.

Трудно переоценить значение благотворительности в истории человечества. Однако никакими «подвигами благотворительности», как в старину называли самоотверженную помощь нуждающимся, нельзя было решить сложные социальные проблемы, имевшие глубокие корни. Более того, неразборчивое подаяние только «увековечивало» нищету, порождая праздность, апатию и профессиональное нищенство. В обществе зрело понимание того, что бороться надо с причинами массовой бедности и нищеты, а не со следствиями такого ненормального положения.

В дореволюционной России в муках зарождалась система социальных гарантий, которая обрела реальные очертания уже в советское время в виде собесов, соцстраха и профсоюза. Благотворительность является ценным дополнением к системе социальной защиты, но не должна и не может заменить ее целиком. Преимущество благотворительности заключается в большой гибкости, которая позволяет быстро реагировать на «чрезвычайные ситуации», индивидуализировать помощь, восполнять пробелы законодательства, поддерживать слабых и стимулировать сильных, направлять финансовые потоки в желаемое для благотворителя, мецената и спонсора русло, упрочивать социальную защиту, делать нашу жизнь ярче и насыщеннее.

Благотворительность как область общественной деятельности облекалась в организованные формы. Благотворительные общества отличались значительным разнообразием по направлению, средствам и размерам деятельности. Помощь оказывалась престарелым, увечным, голодающим, погорельцам, пострадавшим от несчастных случаев, заключенным в тюрьмах, раненым воинам, сиротам, подкидышам, беспризорным детям, учащимся, студентам, курсисткам, деятелям науки и искусства. В начале XX в. усилилась активность благотворительных организаций, действовавших в рамках местного самоуправления, заметно возросло число профессиональных, национальных, земляческих объединений, включая разного рода общества, фонды и кассы взаимопомощи.

Весомый вклад внесли благотворители в дело просвещения. Без преувеличения можно утверждать, что в России не было такой губернии и такого города, где бы не оказывалась благотворительная помощь учебным заведениям, а некоторые из них возникли исключительно по частной инициативе и на благотворительные средства. Л.Н. Кораблина в своей статье приходит к выводу, что благотворительность, хотя и не могла восполнить недостаток государственного финансирования

учебных заведений, все же способствовала неуклонному развитию образования в Воронеже в XVIII–XIX вв.

Другой пример благотворительности на ниве просвещения представлен в статье В.В. Морозана о Санкт-Петербургском обществе народных университетов, возникшем в 1906 г. Народный университет являлся наиболее демократичным типом учебного заведения. В нем любой желающий, независимо от уровня его образования, возраста, пола и сословия, мог расширить свои познания, выбрав наиболее интересующий его курс лекций. Создание народных университетов отвечало назревшей потребности населения в знаниях, но стало возможным только после первой русской революции. Автор показывает, с какими трудностями была сопряжена деятельность негосударственного учебного заведения и общественной организации, особенно если она внушала политические опасения.

В статье И.Е. Барькиной рассмотрен порядок учреждения и присуждения академических премий и наград ученым и писателям за сочинения и решение конкурсных задач. Во второй половине XIX – начале XX в. Академией наук присуждалось более двадцати постоянных и разовых премий, наиболее известными из которых были Демидовская и Уваровская премии. Большинство премий учреждалось по частной инициативе и на благотворительные средства. Учредители определяли направление исследований, критерии конкурсного отбора, способы пополнения премиальных фондов и т. д. Среди удостоенных академических премий и наград были Н.И. Пирогов, В.И. Даль, Н.И. Костомаров, А.Н. Островский, И.И. Мечников, Д.И. Менделеев, И.П. Павлов, С.Ф. Платонов, И.А. Бунин. Благотворительные премии и награды служили средством материальной поддержки и нравственного поощрения ученых и писателей.

Истории создания уникальной организации взаимопомощи писателей посвящена статья В.Н. Сажина. Литературный фонд, основанный в 1859 г. как Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, представляет собой одну из немногих общественных организаций дореволюционной России, сохранившуюся до нашего времени, хотя и подвергшуюся значительной трансформации. В деятельности Общества были свои подъемы, спады и даже перерывы. Его средства складывались из ежегодных и единовременных взносов членов Общества, пожертвований «ревнителей просвещения», доходов от публичных чтений, благотворительных спектаклей, изданий литературных и ученых трудов. В числе тех, кому была оказана помощь, были лица, прямо или косвенно пострадавшие от политических репрессий, — дети А.Н. Радищева, декабристы М.А. Бестужев и В.И. Штейнгель, петрашевец С.Ф. Дуров, вдова В.Г. Белинского, студенты, высланные из Петербурга за участие в студенческих волнениях осенью 1861 г. Неудивительно, что Общество вызывало настороженное отношение властей.

Политика вторгалась даже в такую мирную сферу человеческой деятельности, как благотворительность, и чем дальше, тем сильнее ощущалось ее влияние. Центр тяжести в организации социальной помощи постепенно смещался в сторону общественности. Государство не в состоянии было справиться с организацией призрения своими силами и средствами, а потому перекладывало заботы о призрении на плечи местного самоуправления, благотворительных обществ и частных лиц, но при этом оно стремилось удерживать за собой контроль за распределением финансовых средств и неохотно шло на то, чтобы в законодательном порядке обеспечить работу земств и городов в этом направлении.

Проявлению общественной инициативы препятствовали цензовый характер земского и городского самоуправления и его зависимость от правительственной администрации, а также скудость местного бюджета, в большой мере обусловленная несовершенством налоговой системы и диспропорцией в доходах центрального государственного управления и местного самоуправления. К числу фундаментальных недостатков можно отнести слабость русской общественности, крайнюю политизацию общественной жизни, бедность и невежество основного населения, зыбкость государственного бюджета, построенного на винной монополии и хлебном экспорте.

Наша история богата примерами милосердия и человеколюбия, щедрости и великодушия. Почет и уважение заслужили своей деятельностью знаменитых благотворители и меценаты — Бахрушин, Елисеевы, Мамонтов, фон Мекк, Морозов, Нобели, Поляковы, Ратьков-Рожнов, Рукавишниковы, Рябушинский, Содатенков, Тенишева, Третьяковы, Штиглиц, Щукин и многие другие. Вместе с тем в деятельности благотворительных организаций имелось множество недостатков, вызванных отсутствием опыта и неумением вести дело. Время от времени в печати публиковались сообщения о хищениях и злоупотреблениях «акробатов благотворительности». Из-за нехватки благотворительных заведений, неудовлетворительного состояния многих из них и недоверия к ним населения в России сохранялся древний обычай милостыни. По самым скромным подсчетам, в стране ежегодно раздавалось не менее 27 млн. руб. в виде милостыни.

Несмотря на выдающуюся деятельность целого ряда благотворительных организаций, учреждений и частных лиц, состояние призрения и благотворительности в дореволюционной России было неудовлетворительным. Современники в один голос характеризовали его как хаотическое. Проблема заключалась в том, что не были установлены категории лиц, подлежащих обязательному призрению, не определены источники финансирования социальной помощи и не разграничены обязанности органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению призрения, а следовательно, не было ясности в том, что же остается на долю благотворительности. Положение осложнялось ведомственным сепаратизмом, конфликтами местного и центрального управления, разобщенностью благотворительных организаций.

В конце XIX в. реформа общественного призрения в России стала насущной необходимостью. В 1892–1897 гг. ее разработкой занималась Комиссия по пересмотру законов о призрении бедных под председательством статс-секретаря К.К. Грота. Работа Комиссии фактически зашла в тупик, так как при массовой бедности населения реформа требовала непосильных для государства расходов. В связи со смертью Грота Комиссия прекратила свою работу.

Первая русская революция открыла перед русской общественностью новые возможности. В 1908 г. был создан Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, который активно включился в разработку назревших социальных проблем. Объединению и взаимодействию разрозненных сил русской общественности способствовали состоявшиеся в 1910 и 1914 гг. всероссийские съезды по призрению и благотворительности.

В целях преобразования общественного призрения в стране тщательно изучался зарубежный опыт. Как показано в статье Л.А. Булгаковой, с созданием

Союза заметно активизировалось участие российских представителей в международных конгрессах по призрению и благотворительности. На конгрессах обсуждался широкий спектр проблем, включая вопросы охраны материнства и младенчества, трудовой помощи, социального страхования, участия муниципалитетов в общественном призрении, предупреждения пауперизма, строительства жилищ для рабочих, подготовки работников социальной сферы и т. д. В связи с недостатком финансовых средств в России намечалось поэтапное введение обязательного призрения отдельных категорий нуждающихся.

Начавшаяся Первая мировая война потребовала от правительства и общества безотлагательных и конкретных действий. Проблемы призрения и благотворительности приобрели совсем иной масштаб. Число нуждающихся и расходы на призрение и благотворительность возросли стократ. Именно тогда утвердилось представление, что социальная помощь гражданам, впадшим в нужду, — не милость и не благодеяние, а обязанность государства и общества. Для оказания помощи жертвам войны — больным, раненым и увечным воинам, солдатским семьям, беженцам и беспризорным детям — по всей стране создавались разнообразные организации.

11 августа 1914 г. под председательством императрицы Александры Федоровны был образован Верховный совет по призрению солдатских семей, деятельность которого вскоре распространилась на другие сферы призрения и благотворительности. Верховный совет был устроен по типу междуведомственных комиссий и полугосударственных установлений. Аналогичным образом были сформированы Елизаветинский, Ольгинский, Татьянинский и другие именные комитеты, которые проводили огромную работу, сочетая государственные и общественные функции.

Среди общественных организаций того времени особое место занимали два крупнейших объединения — Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам, возникшие по инициативе москвичей и устроенные на демократических началах. В напряженной обстановке предреволюционных лет союзы превратились в грозную политическую силу, с которой нельзя было не считаться. О сложных взаимоотношениях союзов с властями и перипетиях острой политической борьбы дает представление комплекс документов, подготовленный к печати С.В. Куликовым.

Земский и Городской союзы получали значительные государственные субсидии, без которых их обширная деятельность была просто немислима. Ценные сведения о финансировании благотворительных организаций царским правительством приведены в дискуссионной статье С.В. Куликова. По его мнению, щедрое субсидирование оппозиционных благотворительных организаций в ущерб казенным учреждениям, проправительственным организациям объяснялось позицией правящей бюрократической элиты во главе с императором, которые демонстрировали свое стремление сотрудничать с оппозицией, готовность идти на компромисс во имя «священного единения».

В историографии предоставление широких полномочий и государственных субсидий союзам трактуется как вынужденная мера, вызванная чрезвычайными обстоятельствами военного времени. Куликов подчеркивает неурядицы в деятельности союзов — бесхозяйственность, хищения, неоправданные траты, слабый контроль, бюрократизм, «политиканство» и т. д. Однако неоспоримыми

достоинствами этих организаций являлись инициативность, способность быстро мобилизовать свои силы и «освоить» огромные денежные средства, наконец, немаловажно, что на их стороне была поддержка общественности. Нельзя не учитывать, что за плечами у земских и городских деятелей имелся полувековой опыт местного самоуправления и десятилетний опыт работы Общеземской организации. Потенциал монархических организаций не шел ни в какое сравнение с потенциалом союзов, а недостатки казенных учреждений общеизвестны. Действительно, усиление оппозиционных общественных организаций представляло большую опасность для существующего режима, но замены им фактически не было.

Будучи оплотом либеральной оппозиции, общественные организации приблизили смертный час монархии. После Февральской революции благотворительные учреждения и общества перешли в ведение Министерства государственного призрения, образованного в мае 1917 г. Прежние благотворительные структуры разваливались, а новую систему социальной защиты населения еще только предстояло создать. Смягчить социальную напряженность средствами благотворительности не представлялось никакой возможности. Временное правительство оказалось не в состоянии справиться с грузом обрушившихся на него проблем. В стране воцарился хаос.

С приходом к власти большевиков Министерство государственного призрения было преобразовано в Наркомат государственного призрения, который в апреле 1918 г. стал называться Наркоматом социального обеспечения. Капиталы и имущество благотворительных организаций были национализированы, и вопросы социальной помощи сосредоточились в руках государства. О том, как складывалась советская система социального обеспечения, как решались административные и кадровые вопросы в 1918–1930-х гг., читатель узнает из статьи В.В. Тевлиной. Несмотря на идеологические установки, жесткую централизацию и контроль, которому подверглась социальная сфера, на практике учитывался накопленный до революции опыт. Примечательно, что при проведении социальных мероприятий государство опиралось на общественный потенциал и безвозмездно использовало «благотворительные порывы общественности».

Традиции благотворительности продолжались в Русском зарубежье, где эмигранты возобновляли прежние общества и создавали новые. К.А. Аветисян в своей статье размышляет о типологии благотворительных организаций в «зарубежной России» между двумя мировыми войнами. Характеризуя состояние благотворительности среди эмигрантов, автор отмечает долговременность создаваемых ими организаций. Как правило, своим существованием эти благотворительные организации были обязаны инициативе и средствам частных лиц.

Выдающаяся роль в истории благотворительности принадлежала женщинам. В сборнике публикуется серия кратких биографических очерков «Женщины русской эмиграции», написанных Е.Л. Миллер (урожд. Лозинской), хранящихся в Бахметевском архиве (США) и подготовленных к печати О.Р. Демидовой. Миллер эмигрировала из России в 1918 г. и была лично знакома с героинями своего «биографического словаря». Среди них были известные женщины, прославившиеся своей благотворительной деятельностью — Л.И. Любимова, В.К. Мещерская, Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария), А.В. Романова и др.

Таким образом, в сборник вошли новые документы по истории благотворительности, общетеоретические и методологические разработки проблемы и ис-

следования по отдельным направлениям благотворительности XVIII – начала XX в. Особое внимание уделено отношениям государства и общественных организаций, роли церкви и частных предпринимателей в развитии благотворительности, участию женщин в благотворительном движении, международным связям благотворительных организаций, поддержке науки, образования и литературы, источникам финансирования социальной помощи в годы Первой мировой войны, продолжению благотворительной деятельности в эмиграции и созданию системы социальной помощи при советской власти.

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен в сотрудничестве с историками из Москвы, Архангельска, Воронежа и Екатеринбурга, но у него есть «петербургский акцент». Это объясняется не только преобладанием петербуржцев в составе авторского коллектива. Именно из Петербурга исходили многие благотворительные инициативы, в столице были сосредоточены органы центрального государственного управления, включая Министерство внутренних дел, ведавшее вопросами призрения и осуществлявшее контроль за благотворительными обществами, здесь же находился «Генеральный штаб русской благотворительности» – Ведомство учреждений императрицы Марии, а также Императорское Человеколюбивое общество, почти все, за немногим исключением, именные комитеты и другие общественно-государственные структуры, раскинувшие сеть своих дочерних учреждений и благотворительных заведений по всей стране. В наше время в Петербурге разворачивает свою работу Международный благотворительный фонд имени Д.С. Лихачева, который, по существу, стал всероссийским центром изучения истории и современного состояния благотворительности.

Сборник предназначен как для специалистов, так и для всех тех, кто интересуется историей нашей страны, озабочен ее настоящим и тревожится за ее будущее. Приношу глубокую благодарность рецензентам сборника – профессору Санкт-Петербургского государственного университета Михаилу Федоровичу Флоринскому и главному научному сотруднику Санкт-Петербургского института истории РАН Валентине Григорьевне Чернухе, сделавшей ряд ценных замечаний в процессе работы над сборником, а также старшему научному сотруднику СПб ИИ РАН Владимиру Юрьевичу Черняеву и заведующему Отделом современной истории России Александру Николаевичу Чистикову за советы и уточнения. За помощь в решении организационных вопросов выражаю искреннюю признательность директору Санкт-Петербургского института истории РАН Виктору Николаевичу Плешкову и генеральному директору издательства «Нестор-История» Сергею Ефроимовичу Эрлиху.

Л.А. Булгакова

ИСТОЧНИКИ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИКА: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ ЗЕМСКОГО И ГОРОДСКОГО СОЮЗОВ С ЦАРСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ В 1915–1916 гг.

Публикация С.В. Куликова

Несмотря на внимание, которое уделяли Земскому и Городскому союзам историки, многие аспекты такой важной темы, как их отношения с правительством, до сих пор остаются недостаточно обеспеченными новыми источниками. Последняя крупная публикация такого рода вышла в свет почти 80 лет назад под редакцией Б.Б. Граве и содержала материалы главным образом из фонда Департамента полиции¹.

Настоящая публикация призвана восполнить отмеченную лакуну, включая в себя достаточно разнообразные, не публиковавшиеся ранее документы: докладные и памятные записки, всеподданнейшие доклады, разговоры по прямому проводу, официальные и частные письма, телеграммы. Большая их часть отложилась в таких фондах Российского государственного исторического архива, как фонд Канцелярии Министерства Императорского двора (472), Совета министров (1276) и Канцелярии министра внутренних дел (1282). Некоторые документы выявлены в личных фондах А.В. Кривошеина (1571) и С.В. Рухлова (1576).

В публикации, прежде всего, представлены уникальные материалы, с неизвестной доселе полнотой освещающие драматические события вокруг отказа императора Николая II принять депутацию Земского и Городского съездов, состоявшихся в сентябре 1915 г., чему предшествовало, в августе того же года, образование в законодательных учреждениях Прогрессивного блока. В это оппозиционное объединение входили думские фракции прогрессивных националистов, центра, земцев-октябристов, октябристов, кадетов и прогрессистов и три политические группы Государственного совета — центра, левая (академическая) и Кружок внепартийного объединения. Целью Прогрессивного блока была замена правительства И.Л. Горемыкина «министерством доверия», готовым к осуществлению программы либеральных реформ. Оппозиция выступала за создание министерства, формально отличного от «ответственного министерства»,

¹ Буржуазия накануне Февральской революции / Под ред. Б.Б. Граве. М.; Л., 1927.

т. е. кабинета, зависимого от палат, а не монарха. Фактически оба министерства означали замену дуалистической системы, существовавшей в России с 1906 г., парламентской системой^{II}.

Появление Прогрессивного блока привело к окончательному переходу в оппозицию Земского и Городского союзов. Это произошло во время союзных съездов, открывшихся 7 сентября 1915 г. в Москве^{III}. Взгляды их организаторов разделяли некоторые министры, во главе с главноуправляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным, который находился в тесном контакте с лидерами оппозиции, в частности — с А.И. Гучковым. Именно в сентябре 1915 г. осведомленный журналист князь М.М. Андроников писал Николаю II, что А.В. Кривошеин «мало знаком с правилами корректности, доказательством чего является его весьма нетактичная дружба с Гучковым, недоброжелателем того, чему Кривошеин должен служить». В октябре того же года Андроников сообщал императрице Александре Федоровне, что Кривошеин «протягивает руку Гучкову и компании с тем, чтобы при их содействии произвести переворот в нашем государственном строе». Не только Кривошеин, но и другие министры, по наблюдениям Андроникова, «старались более прислушиваться к мнениям разных Гучковых, чем к велениям своего государя»^{IV}.

Политическая солидарность некоторых министров и оппозиционеров была такова, что министры, сочувствовавшие союзам, отвели угрозу запрещения съездов, исходящую от И.Л. Горемыкина. Он заявил единомышленнику А.В. Кривошеину — управляющему МВД князю Н.Б. Щербатову, что необходимо «присутствие в Москве человека, им назначенного, для участия на всех предстоящих съездах, чтобы запретить дебатировать вопросы, их не касающиеся». Князь поначалу согласился на это. Щербатов пообещал Горемыкину послать на съезды своих представителей, чтобы вынесения съездами политических резолюций не последовало (см. док. 3). Но, повидав «некоторых москвичей», т. е. лидеров оппозиции, Щербатов развернулся на 180 градусов и с рекомендацией Горемыкина больше «не соглашался»^V.

Полное расхождение премьера с А.В. Кривошеиным и его единомышленниками по вопросу о съездах показало заседание правительства 2 сентября. На этом заседании Кривошеин раскрыл основную цель той политики, которую на протяжении предшествующего года он осуществлял по отношению к союзам. «Вся его работа вне контроля, хотя ему сыплют сотни миллионов казенных денег, — подразумевая руководителя Земского союза князя Г.Е. Львова, заявил Кривошеин, «забыв» о том, что эти миллионы стали выдавать по его инициативе. — Надо с этим или покончить, или отдать ему в руки всю власть».

^{II} Куликов С.В. 1) IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917) // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 258–259; 2) Правительственный либерализм начала XX в. как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы (Мат. межд. конф.). СПб., 2001. С. 95–97.

^{III} Об этих съездах см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 121–122; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 126–129; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 177–179.

^{IV} «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М.М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А. Вырубовой и В.Н. Воейкову / Публ. С.В. Куликова // Источник. 1999. № 1. С. 28, 31.

^V Александра Федоровна — Николаю II. 6 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке / Публ. О.А. Платонова. М., 1996. С. 213.

Намекая на желательный для него исход, Щербатов заметил: «Закрывать эти учреждения в настоящее время невозможно, прежде всего потому, что они работают на армию. Да и с политической точки зрения такая мера породила бы крупные осложнения». Следовательно, оставалось идти на выполнение другого элемента кривошеинской дилеммы — передачу власти оппозиции, мнение которой собирались выразить московские съезды. Признавая, что съезды сведутся «к политической демонстрации, а может быть и похуже», Н.Б. Щербатов, тем не менее, высказался против применения по отношению к ним каких-либо репрессий. Мнение И.Л. Горемыкина о том, что если съезды «начнут болтать лишнее, то можно их и закрыть» стало гласом вопиющего в пустыне. Подытоживая прения, А.В. Кривошеин заключил: «Все наши сегодняшние суждения с полной определенностью обнаруживают, что за последнее время между вами, Иван Логгинович, и большинством Совета министров разница в оценке положения и во взглядах на направление политики еще более углубилась»^{VI}.

Вдохновленный поддержкой большинства кабинета, во время встречи с Николаем, состоявшейся 6 сентября в Могилеве, где была Ставка верховного главнокомандующего, Н.Б. Щербатов убедил императора в необходимости разрешения съездов, разыграв роль сильного человека. На монарха князь произвел «лучшее впечатление, чем в Царском», поскольку «робел гораздо меньше и рассуждал здраво». «Насчет Москвы» Щербатов заметил, что «нет оснований тревожиться съездом», ибо если оппозиционеры «вынесут глупые резолюции, то их не разрешат к напечатанию, и таким образом никакой беды не выйдет»^{VII}. Когда Николай писал эти строки, московские съезды уже начинали свою работу, результатом которой стали именно «глупые резолюции», принятые 9 сентября. Они, как и программа Прогрессивного блока, требовали создания «министерства доверия» и немедленного возобновления занятий Думы, распущенной 3 сентября.

Довести содержание резолюций до сведения царя делегаты съездов поручили депутации, в которую от Земского съезда вошли П.В. Каменский, Г.Е. Львов и С.Н. Маслов, а от Городского — Н.И. Астров, избранный вместо забаллотированного А.И. Гучкова, П.П. Рябушинский и М.В. Челноков. Резолюции и идею депутации даже министры, сочувствовавшие оппозиции, расценили неоднозначно. Государственный контролер П.А. Харитонов говорил октябристу И.С. Ключеву 10 сентября: «Москва распоясалась, города выработали свою резолюцию на съезде, а земство — свою. И надо отдать справедливость, что вторая лучше первой и по содержанию, и по форме. Обе они желают разрешения еврейского вопроса, но земство предлагает это в более умеренном тоне. И тот и другой съезды выбрали и представителей в депутацию, которая предполагает пойти к царю, и замечательно то, что Гучков в эту депутацию не попал. Ему припомнили все его грехи, сделанные им в Третьей Думе, и выбрали другого, принадлежащего по убеждениям к партии левых кадет. Но еще вопрос, что из всего этого выйдет, и согласится ли государь их принять». Через два дня, 12 сентября, Щербатов заявил Ключеву о «неправильности курса, принятого московскими съездами вообще и в частности по отношению к Гучкову»^{VIII}. Тем не менее, сочувствовавшие оппозиции министры, прежде всего — А.В. Кривошеин и Н.Б. Щербатов, приняли решения съездов как руководство к действию,

^{VI} Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.). Сост. А.Н. Яхонтовым, б[ывшим] помощником управляющего делами Совета министров, на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 129, 133, 135.

^{VII} Николай II — Александре Федоровне. 7 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С. 216.

^{VIII} Дневник И.С. Ключева // РГИА. Ф. 669 (И.С. Ключев). Оп. 1. Д. 17. Л. 5а, 6, 6 об.

поскольку были политическими единомышленниками лидеров оппозиции. Кавказский наместник великий князь Николай Николаевич как нечто само собой разумеющееся писал Кривошеину 20 ноября 1915 г. про его «близость к широким земским кругам»^{IX}. Тогда же А.В. Кривошеин предложил кандидатуру одного из участников депутации, С.Н. Маслова, в члены Совета кавказского наместника (см. док. 28). В свою очередь, Н.Б. Щербатов «стоял за то, чтобы государь принял депутацию»^X.

Затея с депутацией была обречена на неудачу. Во-первых, принимать политические резолюции, а тем более — обращаться с ними к царю, земства и города не имели права по закону. Во-вторых, в отличие от А.В. Кривошеина и его соратников, Николай полагал, что Прогрессивный блок и съезды выражают голос только их участников, а не народа. Его подавляющее большинство, с точки зрения царя, оппозиционными настроениями охвачено не было. «Здесь я, — писал он супруге из Ставки, — могу судить правильно об истинном настроении среди разных классов народа: все должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца, и никаких сомнений на этот счет не высказывается. Это мне официально говорили все депутации, которые я принимал на днях, и так это повсюду в России. Единственное исключение составляют Петроград и Москва — две крошечных точки на карте нашего отечества!»^{XI}

Точку зрения царя разделяли и другие сановники, в частности — директор Канцелярии министра путей сообщения Н.И. Туган-Барановский^{XII}. В конце августа 1915 г. он представил своему шефу С.В. Рухлову записку об общественных настроениях. Туган-Барановский не отрицал того, что в государстве имеются «беспокойные элементы, представляющие более или менее существенную ближайшую опасность». Однако «этим элементам, самим по себе, казалось бы, — подчеркивал автор записки, — не следует придавать в данном случае чрезмерного значения». Самую надежную гарантию невозможности революции он видел в том, что «главную массу населения Империи составляет крестьянство», чье настроение, «конечно, несколько повышено, в связи с войною», но «эта часть населения пока совершенно далека от возможности революционных выступлений» (см. док. 1).

Разделяя подобные взгляды, Николай и реагировал на резолюции съездов. Их содержание царь узнал из телеграммы Н.Б. Щербатова, написав на ней об отказе дать аудиенцию депутации (см. док. 4). Поведение Николая было вызвано тем, что одновременно с телеграммой управляющего МВД министр Императорского двора граф В.Б. Фредерикс, по телеграфной просьбе И.Л. Горемыкина (см. док. 5), представил императору текст телеграммы, полученной премьером из Москвы от Главного совета Отечественного патриотического союза (см. док. 6). Эта правая организация, возглавлявшаяся железнодорожным служащим В.Г. Орловым, находилась под покровительством С.В. Рухлова и

^{IX} Николай Николаевич — А.В. Кривошеину. 20 ноября 1915 г. // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 310. Л. 14 об.

^X Показания А.Н. Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щеголева. В 7-ми тт. М.; Л., 1924–1927. Т. 1. Л., 1924. С. 351.

^{XI} Николай II — Александре Федоровне. 9 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С. 222–223. Подробнее о политической позиции царя см.: Куликов С.В. Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000.

^{XII} См. о нем: Куликов С.В. Записки Н.И. Туган-Барановского А.В. Кривошеину и С.В. Рухлову (1914–1915 гг.) // Английская набережная, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001.

Н.И. Туган-Барановского^{XIII}. Несомненно, что эти покровители, прежде всего — Н.И. Туган-Барановский, стояли за посылкой телеграммы В.Г. Орлова И.Л. Горемыкину. Во всяком случае, в конце августа — начале сентября политические организации, патронировавшиеся Министерством путей сообщения, переживали своего рода всеобщую мобилизацию (см. док. 2).

Противопоставляя себя оппозиционерам, В.Г. Орлов, как и Н.И. Туган-Барановский, заявил себя решительным сторонником незыблемости Основных законов, а это не могло не встретить полного сочувствия со стороны не только премьера, но и царя. Не могла не произвести впечатления на Николая и аналогия с революционными событиями 1905 г., благодаря которой Орлов подводил к мысли о том, что слишком большие уступки оппозиции во время борьбы внешней, дестабилизируя внутривнутриполитическую ситуацию, работают лишь на военное поражение. Царская резолюция по поводу телеграммы Орлова не оставляла никакого сомнения, что симпатии Николая на стороне ее автора (см. док. 6).

Делая шаги по пути к окончательному разрыву с оппозиционерами, монарх находился в убеждении, что уж он-то лучше, чем кто бы то ни было, знает истинные интересы большинства населения. «Государь император, — писал в это самое время князь М.М. Андроников А.А. Вырубовой, выражая мысли самого Николая, — отлично знает и понимает нужды народа, он стоял близко к нему во время пребывания в Преображенском и Гусарском полках, он входил в близкое общение с ним в дни своих поездок по России, он стоит теперь лицом к лицу с народом, ведя его на защиту Родины. И кому же знать лучше желания нашей крестьянской Руси, как не царю-батюшке»^{XIV}.

Содержание царских резолюций В.Б. Фредерикс телеграфировал управляющему МВД и премьеру в ночь с 10 на 11 сентября (см. док. 7 и 8). Выполняя волю Николая, против приема депутации премьер начал действовать весьма активно (см. док. 10). Между тем, 11 сентября руководители Земского и Городского союзов Г.Е. Львов и М.В. Челноков послали в Ставку всеподданнейший доклад о приеме депутации (см. док. 9). В это время Николай, выбирая между И.Л. Горемыкиным и министрами, которые выступали за прием депутации, окончательно остановился на премьере. Посетовав на то, что в Царском Селе «столько дела — эти смены министров и укрепление позиции старика», царь писал супруге: «Я вызову его сюда, времени нельзя терять!»^{XV} Однако А.В. Кривошеин и его единомышленники все еще надеялись, так или иначе, склонить императора к приему депутации. Стремление министров обеспечить удовлетворение требований лидеров оппозиции показательно тем более, что власть имела способы заставить их вести себя иначе. На заседании правительства 13 сентября А.В. Кривошеин сообщил, что П.П. Рябушинский, в качестве газетного магната, «задолжал Государственному банку»^{XVI}. Отказываясь от употребления давления по отношению к лидерам оппозиции, министры демонстрировали политическое единомыслие с ними, заставлявшее министров пытаться влиять на Николая, что видно из телеграммы Н.Б. Щербатова В.Б. Фредериксу (см. док. 11). Монарху,

^{XIII} Об Отечественном патриотическом союзе см.: *Кирьянов Ю.И.* Образование и деятельность Отечественного патриотического союза (1915–1917 гг.) // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Вып. 1. Воронеж, 2001.

^{XIV} «Успокоения нечего ожидать». С. 25.

^{XV} Николай II — Александре Федоровне. 11 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С. 228.

^{XVI} Запись заседания 13 сентября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка) / Публ. Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, В.В. Лапина, М.Ф. Флоринского при участии Н. Хеймсон и Р. Уортмена. СПб., 1999. С. 273.

однако, были гораздо нужнее соображения о внутривнутриполитической ситуации не Н.Б. Щербатова, а И.Л. Горемыкина.

Встреча премьера с императором произошла 14 сентября^{XVII}. Во время нее Николай передал собеседнику документы, имевшие отношение к вопросу о депутатии. Затем И.Л. Горемыкин представил составленный им от имени министра Двора проект телеграммы Г.Е. Львову и М.В. Челнокову с отказом в приеме депутатии (см. док. 12). Горемыкинский проект получил одобрение царя и был передан премьером В.Б. Фредериксу для сообщения Львову и Челнокову. Однако во время обеда, состоявшегося 16 сентября, после заседания правительства, на котором сочувствовавшие оппозиции министры предприняли отчаянную попытку склонить на свою сторону Николая, царь, не желавший полного разрыва с оппозицией, заявил Горемыкину о желательности включения в телеграмму «признания забот и заслуг Земского и Городского союзов». После учета царского пожелания проект приобрел более примирительный характер (см. док. 13). От передачи даже смягченного отказа Николая министр Двора предпочел уклониться. После переговоров с И.Л. Горемыкиным и Н.Б. Щербатовым В.Б. Фредерикс испросил у царя разрешение передать объявление царского ответа Щербатову. Редакцию своей телеграммы он обещал прислать графу «для сведения» (см. док. 14). Но премьеру выпускать решение этого вопроса из своих рук не хотелось.

Перед самым отъездом министров из Ставки Горемыкин передал Щербатову новый проект телеграммы, сказав, что царь повелел отправить именно ее. Князю телеграмма показалась «грубой по форме и нелепой по содержанию», поскольку в ней, с одной стороны, монарх отказывался принять оппозиционеров и находил их действия неправильными, а с другой стороны — им «рекомендовалось заняться вопросом призрения раненых», и тем открывалась новая сфера для их деятельности. С возражениями Щербатова Горемыкин согласился и поправил телеграмму, на что управляющий МВД заметил: «Раз вы поправляете, то это не есть высочайше одобренная редакция, а проект, а с проектом я лично не согласен, и не отправлю». И.Л. Горемыкин ретировался, сказав: «Как угодно». В это время князя вызвал В.Б. Фредерикс. Он заявил Н.Б. Щербатову: «Умоляю эту телеграмму нелепую не отправлять. Мне предлагали ее отправить, и я счел невозможным». Уже в вагоне управляющий МВД показал телеграмму своим коллегам. Они признали, что «такую телеграмму подать нельзя»^{XVIII}.

В результате телеграмма подверглась очередной, третьей переделке. Новая редакция телеграммы была выработана Н.Б. Щербатовым совместно с А.В. Кривошеиным, А.Д. Самариным и А.А. Хвостовым, который перед И.Л. Горемыкиным от этого отрецировался (см. док. 15). Текст получил еще более примирительный характер. Самое существенное изменение, говорившее не конкретно о призрении раненых, а вообще о «трудах», «проявленных в настоящую войну», одобряло всю деятельность союзов, в том числе и политическую, противником которой был не только Горемыкин, но и Николай. Новая редакция в корне противоречила взгляду царя и премьера на данную проблему. Поэтому проект телеграммы, переданный Щербатовым Горемыкину для сведения (см. док. 16), получил отрицательную оценку во всеподданнейшем докладе премьера (см. док. 17). Впрочем, доклад И.Л. Горемыкина остался не востребуемым. Если на состоявшемся 16 сентября в Ставке заседании правительства А.В. Кривошеин и его единомышленники по вопросу об уступках оппозиции потерпели фиаско, то на другом вопросе — о форме ответа на обращение Г.Е. Львова и М.В. Челнокова — министры все-таки отыгрались. Их несколько неожиданным союзником оказался В.Б. Фредерикс.

^{XVII} Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 548.

^{XVIII} Допрос князя Н.Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 212–213.

Уже после отъезда Кабинета из Ставки, 17 сентября, В.Б. Фредерикс, осведомленный о примирительной позиции царя, предпринял героическую, если учесть его 76-летний возраст, попытку максимально смягчить форму отрицательного ответа Николая. Письмо телеграммы Г.Е. Львову и М.В. Челнокову В.Б. Фредерикс решил заменить личной встречей с ними Н.Б. Щербатова. Союзником министра Двора оказался находившийся в Ставке двоюродный брат Николая — великий князь Дмитрий Павлович, который, по совету помощника начальника Военно-походной канцелярии царя генерала А.А. Дрентельна, просил кузена не посылать телеграмму с отказом Г.Е. Львову и М.В. Челнокову^{XIX}.

По поручению В.Б. Фредерикса состоявший при нем чиновник барон Р.А. Штакельберг отправился в Телеграфную контору Ставки к служившему там полковнику М.М. Загю. С его помощью барон сообщил об идее Фредерикса управляющему МВД во время происходившего вечером 17 сентября разговора Загю по прямому проводу с Петроградской телеграфной конторой (см. док. 19). Новый вариант решения вопроса о депутатии содержала телеграмма Фредерикса Щербатову, посланная в 23 часа 17 сентября (см. док. 18). Текст этой телеграммы министр Двора доложил императору на следующий день, 18 сентября. Поставленный перед совершившимся фактом, Николай согласился с действиями Фредерикса, тем более что они соответствовали примирительным настроениям самого царя. В тот же день он поручил графу телеграфировать о своей воле И.Л. Горемыкину и Н.Б. Щербатову (см. док. 20 и 21). Получив телеграммы В.Б. Фредерикса, управляющий МВД и премьер информировали о них друг друга (см. док. 23 и 24). В ответной телеграмме министру Двора Н.Б. Щербатов уведомил, что вызовет к себе Г.Е. Львова и М.И. Челнокова в ближайшее же время (см. док. 22). Действительно, уже 18 сентября Львов и Челноков получили по телеграфу приглашение явиться к управляющему МВД. Одновременно его секретарь М.В. Яблонский по приказу шефа попросил Р.А. Штакельберга выслать Н.Б. Щербатову текст обращения руководителей союзов к императору, что барон и сделал на следующий день (см. док. 25 и 26). Очевидно, управляющий МВД хотел общаться с оппозиционерами на их языке.

Встреча Щербатова с Львовым и Челноковым произошла 20 сентября в Петрограде. Князь объявил собеседникам, что царь, «высоко ценя труды и заслуги союзов, проявленные ими в настоящую войну, не находит, однако, возможным принять депутатии съездов по вопросам, не входящим в прямые задачи Земского и Городского союзов». Таким образом, вопреки царскому повелению, в качестве канвы своего обращения управляющий МВД использовал проект телеграммы, составленный им, а не И.Л. Горемыкиным. Далее Н.Б. Щербатов сообщил, что монарх «считает ненормальным вторжение в политику с обходом правительства», а потому, не принимая депутатии, тем не менее, приказал управляющему МВД встретиться с руководителями союзов, узнать пожелания съездов и доложить о них на очередном всеподданнейшем докладе. Г.Е. Львов попросил зафиксировать этот ответ на бумаге, но Щербатов заметил, что ему повелено передать ответ на словах. Львов заявил, что не решится сообщить представителям земств известие об отказе, и выразил надежду, что царь немедленно примет депутатии, так как отказ «глубоко опечалит страну». Собеседники пришли к соглашению, что Щербатов доложит суверену ответ собеседников и сообщит им о его решении^{XX}. В тот же день о факте переговоров с оппозиционерами управляющий МВД сообщил Горемыкину (см. док. 27).

Во время встречи с Николаем, состоявшейся 25 сентября в Ставке, Н.Б. Щербатов сообщил о надежде Г.Е. Львова на то, что монарх все-таки примет депутатии. Царь

^{XIX} Мария Павловна (младшая). Мемуары. М., 2003. С. 195.

^{XX} Из доклада членов депутатии, избранной собранием уполномоченных губернских земств 9 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С. 58–59.

ответил, что «вопрос о депутации считается ликвидированным»^{XXI}. Отказ Николая от приема депутации означал, по крайней мере — с точки зрения самого царя, не полный разрыв между ним и союзами, а попытку вернуть их в рамки закона, за которые они вышли, позволив себе заниматься не только благотворительной, но и политической деятельностью. Не случайно, что опубликованная 28 ноября 1915 г. резолюция царя на адресованном ему приветствии входившей в Городской союз Петроградской городской думы гласила: «Благодарю за верноподданнические чувства и выражаю уверенность, что Петроградское общественное управление, не отвлекаясь вопросами общегосударственной политики, приложит все силы к служению мне и Родине живой работой на пользу населения столицы в настоящее, тяжелое для нее время»^{XXII}. Царь являлся сторонником сотрудничества правительства и союзов, но только в рамках Основных законов, которым явно противоречили резолюции сентябрьских съездов.

Поскольку деятельность союзов не переходила из области благотворительности в политику, на что они не имели законного права, постольку Николай был готов оказывать общественным организациям самое широкое содействие. На той же точке зрения стоял и преемник Н.Б. Щербатова — А.Н. Хвостов, назначенный управляющим МВД в конце сентября 1915 г. Его программа в части, касавшейся союзов, состояла в том, чтобы «излишним стеснением свободы их деятельности не раздражать общественных кругов»^{XXIII}. На заседании правительства 13 октября Хвостов, обрисовывая свое отношение к союзам, заявил: «Нежелательно обострение отношений с Земской и Городской организацией. Я вообще против их усиления — государственная опасность. Но их пустили к широкому участию и сейчас поздно их устранять. Поэтому надо пропустить к беженцам, передав им ведение и средства, а равно составление плана, но не союзам, а общественным учреждениям непосредственно. Оставить за губернаторами право контроля, хотя бы распоряжались объединяющие союзы, если города и земства передадут свои полномочия союзам»^{XXIV}. Таким образом, Хвостов был за расширение компетенции общественных организаций, поддерживая идею о привлечении их к оказанию помощи не только больным и раненым воинам, но и беженцам. Об этом он объявил и Г.Е. Львову, беседуя с ним 16 октября^{XXV}. Вместе с тем, мнение о «государственной опасности» союзов заставляло А.Н. Хвостова устранять поводы для их политической деятельности.

Съезды союзов, намеченные сначала на октябрь, а потом на декабрь 1915 г., министр внутренних дел не допустил. В этом решении не содержалось ничего антиобщественного. В пользу него высказывались умеренные участники сентябрьских съездов^{XXVI}. А.Н. Хвостов заявил себя, также, сторонником возвращения продовольственного дела из ведомства А.В. Кривошеина — Главного управления землеустройства и земледелия (с октября 1915 г. — Министерства земледелия), которое сотрудничало с Земским союзом, в МВД. На посту председателя Особого совещания по продовольствию А.В. Кривошеин оказывал союзам содействие по распространению их компетенции на продовольствен-

^{XXI} Из доклада членов депутации, избранной собранием уполномоченных губернских земств 9 сентября 1915 г. С. 59; Дневники императора Николая II. С. 549.

^{XXII} [Воейков В.Н.] С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II В.Н. Воейкова. М., 1994. С. 94.

^{XXIII} Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 121.

^{XXIV} Запись заседания Совета министров 13 октября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 290.

^{XXV} Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 264.

^{XXVI} Донесение начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции о Городском съезде. 8 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С. 56.

ное снабжение. С подачи А.Н. Хвостова М.М. Андроников информировал императрицу в октябре 1915 г., что А.В. Кривошеин в качестве председателя Особого совещания «сознательно помогает передаче всего продовольственного дела в руки Земского и Городского союзов». Подразумевая продовольственное дело, князь отмечал, что Кривошеин, преследуя цели, которыми «руководствуются Гучков и разные другие деятели Городского и Земского союзов», «помогает Союзу захватить продовольствие населения в свои руки и этим еще более укрепить его положение в политической жизни страны»^{XXVII}. Замысел А.Н. Хвостова благодаря сопротивлению преемника и единомышленника А.В. Кривошеина, А.Н. Наумова, воплощения не получил (см. док. 29).

Новый этап в отношениях союзов и правительства начался после состоявшейся в январе 1916 г. замены И.Л. Горемыкина Б.В. Штюрмером, который, выполняя волю Николая, выступал за сотрудничество с оппозицией на базе Основных законов, исключавшее вмешательство благотворительных организаций в политику. В речи, произнесенной новым премьером при посещении 25 января 1916 г. МВД, он вспомнил тот «подъем духа», с которым работал в Тверском земстве «в полном единении со всеми местными земскими деятелями, без всякого различия партий и групп». Штюрмер вспомнил и свою службу на посту ярославского губернатора, протекавшую «в полном согласии с местными общественными учреждениями». Недоброжелатель Б.В. Штюрмера, военный министр А.А. Поливанов, признавал, что в посещении МВД и сказанной там речи «содержался намек» «на желание, прежде всего, сохранить согласие с общественными учреждениями». При посещении 1 февраля Министерства земледелия Б.В. Штюрмер поставил в заслугу этому ведомству «уменьше привлечь к осуществлению своих заданий местные общественные силы и дружно с ними работать»^{XXVIII}. Ярче всего благожелательное отношение Штюрмера к оппозиции доказывалось тем, что его кабинет увеличил отпускавшиеся союзам казенные субсидии.

Финансирование оппозиционных организаций Б.В. Штюрмер осуществлял, игнорируя недовольство этим со стороны крайне правых, в частности — председателя Астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тихановича-Савицкого (см. док. 30). Дистанцируясь от черносотенцев, новый премьер, по получении, в начале марта 1916 г., портфеля министра внутренних дел, пошел на разрешение очередных съездов союзов. Демонстративно примирительное отношение правительства к этим организациям объяснялось позицией не только Штюрмера, но и монарха. Телеграммы Николая, адресованные съездам, соблюдали декорум благоволения, хотя царь не испытывал иллюзий относительно лояльности руководителей союзов^{XXIX}. Как же реагировали общественные организации на примирительные жесты, делавшиеся властью?

Состоявшиеся 12–14 марта Земский и Городской съезды приняли резолюции о необходимости отставки кабинета Б.В. Штюрмера. Первый съезд высказался за замену его «министерством доверия», а второй — «ответственным министерством»^{XXX}. Таким образом, общественные организации не только снова вмешались в политику, но и публично признали, что их цель — упразднение порядка управления, провозглашенного Основными законами. Подобное признание было равносильно призыву к государственному перевороту. По мнению лидера кадетов П.Н. Милюкова, переход к «формуле ответвен-

^{XXVII} «Успокоения нечего ожидать». С. 29, 30.

^{XXVIII} Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 – 15 марта 1916 г.) / Публ. В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 132; 1994. № 10. С. 135.

^{XXIX} Лемке М.К. 250 дней в Царской Ставке. Пб., 1921. С. 630, 631.

^{XXX} О мартовских съездах Земского и Городского союзов см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. С. 173–178, 191–192.

ного министерства уже означал совершенно открытый разрыв со всякого рода мирными путями»^{xxxI}. Политическая опасность общественных организаций начинала перевешивать их функциональную пользу.

Нарастание оппозиционности союзов обусловило то, что правительство Б.В. Штюмера, по-прежнему финансируя их специальную деятельность, начало налагать на нее ограничения, которые минимизировали бы вмешательство союзных учреждений в политику. Цель эту подразумевал Особый журнал Совета министров 7 апреля, утвержденный царем 10 апреля 1916 г. Ссылаясь на условия военного времени, Особый журнал запретил на будущее проведение всех вообще съездов^{xxxII}. Казалось бы, вот яркое доказательство того, что Б.В. Штюмер боролся с общественными организациями. Но запрещение съездов нельзя рассматривать как антилиберальную акцию хотя бы потому, что оно затронуло не только левых, но и правых. После назначения Б.В. Штюмера министром внутренних дел в его руки попала выписка из перлюстрированного письма Н.Н. Тихановича-Савицкого председателю Одесского союза русского народа Н.Н. Родзевичу от 14 апреля 1916 г. В письме Тиханович-Савицкий, носившийся с мыслями о превращении Думы в законсовещательное учреждение и созыве съезда черносотенных организаций, попытался подвести под эти мысли обширную мотивацию (см. док. 31). Отрицательное отношение Б.В. Штюмера к точке зрения Н.Н. Тихановича предопределила докладная записка, составленная, судя по всему, не без участия ближайшего советника премьера — члена Совета министра внутренних дел И.Я. Гурлянда. В записке планы Тихановича были полностью развенчаны (см. док. 32).

Фактически постановление 7 апреля 1916 г. в полном объеме никогда не действовало. Сразу после его принятия правительство стало делать исключения в пользу тех организаций, которые возглавлялись оппозиционерами или имели их в своем составе^{xxxIII}. Наложив запрет на съезды союзов, Особый журнал 7 апреля ни в коей мере не стеснил развитие сети их местных учреждений^{xxxIV}. По отношению к оппозиции Б.В. Штюмер придерживался наступательной тактики ровно настолько, насколько ее придерживалась оппозиция. Тем не менее, в глазах руководителей союзов он дискредитировал себя окончательно.

Преемник Б.В. Штюмера А.Ф. Трепов, получивший премьерство в ноябре 1916 г., идя навстречу оппозиции, способствовал распространению земского самоуправления вглубь. Это подтвердило рассмотрение кабинетом вопроса о создании волостного земства. Хотя правительство разработало соответствующий законопроект и могло проигнорировать его думскую редакцию, министры приняли ее за основу. Думская редакция, в отличие от правительственной, допускала соединение в одном учреждении административно-полицейских и хозяйственных функций, сторонником чего был управляющий МВД А.Д. Протопопов, ненавистный для союзов, а противником — А.Ф. Трепов, ориентировавшийся на Думу. Пытаясь удовлетворить оппозицию отставкой Протопопова, премьер, однако, при проведении конкретных пунктов программы Прогрессивного блока был консервативнее управляющего МВД (см. док. 35). В ходе рассмотрения в ка-

^{xxxI} Показания П.Н. Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т. 7. С. 335.

^{xxxII} Особый журнал Совета министров 7 апреля 1916 г. «По вопросу о приеме английских и французских представителей печати, выразивших желание посетить Россию» // РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 107. Л. 75–76.

^{xxxIII} Записи заседаний Совета министров 15 и 29 апреля и 13 мая 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 328, 332, 337.

^{xxxIV} А.В. Степанов — А.И. Пильцу. 24 мая 1916 г.; А.В. Степанов — А.И. Пильцу. 31 мая 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С. 105.

бинете законопроекта о волостном земстве возобладала точка зрения А.Д. Протопопова, возведенная в Думе 5 декабря его заместителем С.А. Куколем-Яснопольским. «Ввиду исключительного значения этой реформы, — заявил он, — правительство считает долгом своим не отстранять себя в данном случае от обсуждения этого вопроса в Государственной думе»^{xxxv}.

Параллельно правительство рассмотрело ходатайство черносотенных лидеров о разрешении созыва в конце ноября или в декабре 1916 г. Съезда монархических единений. Крайне правые запланировали его в качестве противовеса акциям оппозиции. Кабинет, указав на то, что «созыв всякого рода съездов признан, во время войны, в общем недопустимым», не усмотрел «достаточных оснований для отступления от объясненного общего начала»^{xxxvi}. Черносотенцы получили отказ, а потому активизировали свою деятельность. Ее характерное проявление — телеграмма Николаю Н.Н. Тихановича-Савицкого, посланная также А.Д. Протопопову, А.Ф. Трепову и В.Б. Фредериксу. Н.Н. Тиханович, указав на антидинастические речи астраханского городского головы П.С. Кравченко, члена Городского союза, призвал императора к осуществлению крайне правого курса и решительному подавлению оппозиции, гнездившейся, прежде всего, именно в союзах, руководители которых, по сведениям автора телеграммы, готовили переворот (см. док. 33). За спиной Тихановича-Савицкого стоял назначенный член правой группы Государственного совета Н.А. Маклаков. Содержание телеграммы А.Ф. Трепов доложил императору 10 декабря (см. док. 34).

Рекомендациям Н.Н. Тихановича Николай, в отличие от Александры Федоровны, не придал никакого значения. Соглашаясь с тем, что А.И. Гучкова, Г.Е. Львова и П.Н. Милюкова за их антиправительственную деятельность надо «сослать в Сибирь», императрица писала мужу: «Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена. Отчего ты не смотришь на это дело так, я, право, не могу понять»^{xxxvii}. Однако мнению жены Николай тоже не придал никакого значения. Несмотря на рост оппозиционности союзов, он и правительство по-прежнему шли на сотрудничество с этими организациями и дистанцирование от черносотенного движения.

В конце декабря 1916 г. Н.Н. Тиханович приехал в столицу, чтобы открыть глаза императору на заговорщическую деятельность оппозиционеров. Ходатайствуя об аудиенции у Николая, Н.Н. Тиханович говорил подруге царской семьи А.А. Вырубовой, что «привез доказательства и документы на счет опасной пропаганды, которая ведется Союзом земств и городов с помощью Гучкова, Родзянко и других в целях свержения с престола государя». Однако от общения с астраханцем император отказался, мотивируя это тем, что «слишком занят». Побеседовать с Н.Н. Тихановичем Николай поручил императрице. Выслушав Н.Н. Тихановича, Александра Федоровна сказала Вырубовой, что «опасения его преувеличены»^{xxxviii}. Серьезность намерений лидеров оппозиции недооценивала и царица.

Н.Н. Тиханович, переоценивая значение своей миссии, встретился с А.Д. Протопоповым, которого уговаривал немедленно наказать П.С. Кравченко в назидание остальным оппозиционерам (см. док. 36). Не добившись аудиенции у монарха, Тиханович,

^{xxxv} Выступление С.А. Куколя-Яснопольского. 5 декабря 1916 г. // Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. В 4-х тт. М., 1995. Т. 4. С. 163.

^{xxxvi} А.Ф. Трепов — С.А. Куколь-Яснопольскому. 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1848. Л. 2, 5.

^{xxxvii} Александра Федоровна — Николаю II. 14 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 638.

^{xxxviii} [Вырубова А.А.] Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 196.

однако, надеялся повлиять на него. Поэтому 30 декабря 1916 г. астраханец передал Николаю через флаг-капитана царя адмирала К.Д. Нилова письмо, которое свидетельствовало о высокой степени осведомленности его автора. «Главный комитет Союза земств и городов, руководимый Львовым, Челноковым, Астровым и другими, — говорилось в этом письме, — пользуясь попустительством властей, открыто готовит государственный переворот». Н.Н. Тиханович рекомендовал «разогнать московскую шайку и составить Главный комитет Союза земств и городов из лиц по назначению от правительства, удалив от дел весь теперешний Комитет полностью», поскольку «если шайка не будет разогнана, она сделает свое дело»^{XXXIX}. Царь, однако, придерживался противоположного мнения, наложив на письмо Н.Н. Тихановича следующую резолюцию: «Во время войны общественные организации трогать нельзя»^{XL}.

Таким образом, на рубеже 1916–1917 гг. Николай по-прежнему стремился к сотрудничеству с общественными организациями, хотя о подготовке их руководителями заговора против него монарху было хорошо известно. В то же время это сотрудничество мыслилось императору, как и ранее, только в рамках закона, не предусматривавшего вмешательства органов местного самоуправления в политику. Между тем, лидеры союзов постоянно содействовали их политизации. Мерой, направленной на предотвращение этого, стал циркуляр А.Д. Протопопова от 11 января 1917 г. Непосредственной причиной появления циркуляра были настояния Н.Н. Тихановича о привлечении к ответственности П.С. Кравченко. Циркуляр предписывал губернаторам и градоначальникам привлекать к ответственности председателей городских дум и земских собраний за вынесение ими политических резолюций противоправительственного содержания^{XLI}.

В данном случае Протопопов боролся не против общественных организаций вообще, а лишь против их политической деятельности, будучи при этом исключительно на почве закона. Поэтому данная мера не встретила поддержки у Тихановича. Полагая, что циркуляр «не достигнет цели», он телеграфировал министру внутренних дел 21 января: «Невозможно с революционерами, уверенными, что через два-четыре месяца они станут господами положения, бороться путем эволюционным. Представить о них в Сенат или привлекать по Городовому положению — не страшно и затянет дело, сейчас нужны радикальные устрашающие меры»^{XLII}. Настояния Н.Н. Тихановича ни к чему не привели, поскольку его экстремистские взгляды ни А.Д. Протопопов, ни царь не разделяли. Существование разницы во взглядах между политиками высшей бюрократии, с Николаем во главе, и лидерами черносотенного движения, на примере отношения к союзам, и доказывают публикуемые документы.

^{XXXIX} Н.Н. Тиханович-Савицкий — Николаю II. 30 декабря 1916 г. // Правые партии. Документы и материалы / Публ. Ю.И. Кирьянова. В 2-х тт. М., 1998. Т. 2. С. 604–606. О политической активности Н.Н. Тихановича-Савицкого в конце 1916 — начале 1917 г. см. также: *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 28–31.

^{XL} *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. С. 203.

^{XLI} Циркуляр А.Д. Протопопова от 11 января 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1467 (Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства). Оп. 1. Д. 782. Л. 14–16.

^{XLII} Н.Н. Тиханович-Савицкий — А.Д. Протопопову. 21 января 1917 г. // Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. С. 619.

1.

Н.И. Туган-Барановский¹. Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики

30 августа 1915 г.

События внутренней политической жизни Империи идут вперед с чрезвычайной быстротой, причем развиваются уже вне зависимости от тех или иных отдельных военных обстоятельств, но в значительной степени под влиянием настроений, проявляющихся в Государственной думе и общественных организациях и поддерживаемых оппозиционной печатью. Голоса оппозиции неустанно твердят, что правительство все испортило в военном отношении и совершенно несостоятельно в гражданском. Этим путем, при наличии бывших военных неудач, из центра сеялась и сеется в умах как вообще населения, так и армии все более и более глубокая смута. На местах еврейская пресса и оппозиционные элементы действуют в том же направлении. Так создается общественное мнение, требующее ответственного перед страной — т. е. перед Государственной думой — министерства. Еще в Думе первого созыва Партией народной свободы был провозглашен принцип, согласно которому власть управления должна подчиниться власти законодательной, разумея под последней Государственную думу. Ныне соответствующие думские партии во главе с председателем Думы и вся оппозиция стараются провести это в жизнь. Для этого призываются и общественные управления столиц, и торгово-промышленные организации, а ныне — и так называемый «Прогрессивный блок» членов законодательных палат. Удар, в сущности, направлен против ст[атьи] 10 Основных государственных законов², причем, в качестве первого шага ставится требование сохранения деятельности Думы и образования министерства, «пользующегося доверием страны».

В Государственной думе доминирующее значение получила Фракция народной свободы (кадетская). Несомненно влияние ее на октябристов и даже некоторых правых³. Знаменательно избрание Шингарева⁴ и Посникова⁵ для председательствования в важнейших думских комиссиях, причем едва ли можно серьезно говорить о том, что в данном случае между партиями было осуществлено соглашение на равных основаниях.

Ведут страну к выполнению своей программы (при постоянной поддержке левого центра) кадеты, о чем председатель Фракции народной свободы Миллюков⁶ уже счел возможным прямо заявлять в публичных беседах. Несомненно, что эта партия приобрела со времени 1905 г. в деле достижения своих целей значительную политическую опытность.

Как это ни горько, но в Думе совершенно не слышно уверенных и сильных заявлений правительства. Члены Думы обвиняли правительство в военных неудачах и во внутренних неурядицах, — оно иногда оправдывалось, признавало свою вину и не возражало против необходимости новой системы управления, по указанию Думы⁷. Об этом оповещается страна и, конечно, при таких условиях руководящая роль в ней переходит к Думе. Невольно возникает вопрос, насколько под давлением действительной необходимости допущено то глубокое колебание власти, которое мы видим?

Быть может, существующая смута есть необходимое последствие развивающихся исторических условий жизни нашего отечества? Быть может, страна стоит перед революцией, и смута эта, ведущая только к господству Кадетской партии, — все-таки лучше, чем анархия, в борьбе с которой правительству необходимо иметь опору в лице думского большинства? Едва ли это так.

Несомненно, в государстве имеются беспокойные элементы, представляющие более или менее существенную ближайшую опасность. Сюда относятся, прежде всего, фабричные и заводские рабочие, вообще революционно настроенные. Засим сюда же относятся те разного рода низшие служащие, заработок которых в настоящее время не увеличился, — они более всего испытывают на себе тяжесть войны. Наконец, таковыми элементами являются разного рода политиканствующие, оторванные от земли или какого-либо другого постоянного дела лица, главным образом, из числа представителей так называемых свободных профессий. Эти люди, имеющие, в большей части, у себя в руках прессу, являются главными заводителями смуты. К оппозиции примыкают и некоторые др[угие] общественные элементы, стремящиеся к власти, ради достижения своих личных, нередко корыстных, выгод: представители крупной промышленности, представители денежного капитала, банков и т. п.

Но этим элементам, самим по себе, казалось бы, не следует придавать в данном случае чрезмерного значения. Представители свободных профессий имеют значение, главным образом, лишь постольку, поскольку обладают влиянием на более многочисленные трудящиеся классы населения, промышленные же круги, конечно, не решатся на революционные действия, т. к. революция была бы, прежде всего, убыточной для них самих. Выступления последних возможны только при слабости правительства. Как эти круги, так и вообще массы населения, прямо не заинтересованные в насильственном изменении существующего строя, при твердой власти не решатся на противодействие ей. Что же касается упомянутых рабочих, то, конечно, масса их способна к активному выступлению, но теперь, во время войны, они не более к этому готовы, чем в мирное время. Средства воздействия на нее остаются теми же: улучшение экономического положения и воздействие сильной власти. Последнее — совершенно необходимое в настоящее время, когда забастовки могут неблагоприятно отразиться на деле государственной обороны, — может, несомненно, удержать рабочих в границах порядка ныне, когда экономическое положение рабочего класса отнюдь не является действительно тяжелым.

Главную массу населения Империи составляет крестьянство. Настроение его, конечно, несколько повышено, в связи с войною, вообще, и с военными неудачами, в частности. Но насколько можно судить из всех имеющихся данных, эта часть населения пока совершенно далека от возможности революционных выступлений. По сравнению с 1905 г. ныне имеются существенные отличия: национальный характер войны, уничтожение пьянства⁸ и, наконец, уже выявившийся, хороший урожай (хотя его значение несколько ослабляется неблагоприятными в этом году условиями уборки). Если засим для городского трудящегося населения представляет существенную тяжесть вздорожание жизни, то необходимо иметь в виду, что заработная плата рабочих, в общем, чрезвычайно увеличилась, причем получаемые деньги, не расходуемые на спиртные напитки, несомненно, идут, независимо сбережений, также и на улучшение экономических условий жизни.

Доказательством этого является громадное увеличение вкладов в сберегательные кассы, постоянная наличность в кредитных товариществах (как сельских, так и городских) свободных средств и, наконец, существенное повсеместное расширение деятельности потребительских обществ. При таких условиях, в чем же можно видеть доказательства ближайшей, вследствие военных обстоятельств, опасности потрясения государственного организма Империи.

Для оценки возможности успешного выступления против правительства тех или иных частей населения, с одной стороны, и возможности для правительственной власти их предупредить или подавить — с другой, надлежит, казалось бы, иметь в виду, что, даже при наличии действительных оснований для недовольства против правительства, успешные активные выступления возможны лишь в тех случаях, когда власть инертна и не имеет точки опоры в стране. Между тем, не следует забывать, что преданность Государю еще твердо живет в массах населения, причем расшатывание исконных в этом отношении начал Русской земли, идущее со стороны так называемой интеллигенции, осталось мало действительным в отношении большинства сидящего на земле дворянства и крестьянства. Крепки еще указанные начала и в низших промышленных и торговых классах и, наконец, в служилых людях, в т. ч. — и в армии. Однако, против этой преданности, несомненно, идет агитация. Здесь особенно опасна инертность правительства.

Агитация эта, не касаясь в большинстве случаев прямо Особы Монарха, сводится к насколько возможно большему расшатыванию достоинства власти и уважения к ней. Значение всякой ошибки или недосмотра, или непорядка усиливается, причем все отрицательные результаты ставятся в связь с необходимостью общей политической перемены. Основной мыслью этой агитации является то положение, что все спасение страны в гражданском отношении заключается в Государственной думе и что спасение и успехи армии находятся также в зависимости от Думы.

Вся та агитация и смута, которую сеют, несомненно, должна действовать на массы населения — уже создается своего рода общественный гипноз. В значительной степени, под влиянием этого гипноза, созданся и ведомый кадетами «Прогрессивный блок». Для удобства дальнейшей агитации твердо проводится мысль о необходимости уменьшения силы административной власти и свободе печати. Затем, конечно, пойдут свободы собраний, союзов и т. п. При движении в этом направлении смута будет расти и развиваться. Люди безразличные, слабые и колеблющиеся, которых, к сожалению, слишком много, пойдут за теми, кои на них будут влиять видимостью силы и убеждения. Всякий шаг, всякая уступка будут способствовать дальнейшим шагам и уступкам, создавая затруднения для поворота назад. Достоинно внимания, насколько смута продвинулась вперед и положение стало более трудным со времени созыва Государственной думы. Народные массы, сами по себе устойчивые, могут в будущем пойти за оппозиционным течением, если оно не встретит твердого противодействия.

Инертность правительственной власти в сем случае может привести к самым тяжелым результатам. Величайшая опасность для государства заключается не в нашествии неприятеля — т. к. при длительной войне наша обеспеченность личным составом и сырьем всякого рода должна привести к победе, — но в тех смутах внутри, которые уже подрывают и могут, при благоприятных для них условиях,

широко и глубоко развиться. Надлежит иметь в виду, что охранение в Империи порядка и силы власти необходимо для самой победы.

Великим счастьем было вступление Государя Императора в верховное командование армиями⁹. Этим путем сила армий, сосредоточиваясь в лице Монарха, явилась также и средством обуздания оппозиционных выступлений, — понятно, почему так этого боялась оппозиция.

Ныне желательно было бы правительство с особо твердым направлением. Работу Государственной думы пока желательно ограничить рассмотрением внесенных в нее правительством военных законопроектов и деятельностью отдельных ее членов во вновь организованных совещаниях по государственной обороне. Печать должна быть под постоянным надзором сильной власти, не разрешающей выпадов, имеющих целью дискредитировать власть и вообще сеять смуту. Все те всякого рода съезды, которые могут ее сеять, не должны разрешаться¹⁰, причем должны подавляться твердой рукою и всякие беспорядки аграрного, экономического или политического свойства. Наряду с сим, желательно принимать все зависящие меры к урегулированию экономических отношений населения, — особенно для защиты бедных в случаях дороговизны жизни¹¹. Население Империи должно быть оповещено о необходимости твердого и сильного правительства, т. к. военные обстоятельства требуют дисциплины не только на фронте, но и внутри страны. Желательно указать, что разрешение спорных вопросов внутреннего управления, могущих возбудить классовые разногласия, должно быть отложено до окончания войны, т. к. разногласия эти и связанные с ними выступления и столкновения, сея смуту, неуверенность и смущение в отдельных частях населения, могут только отрицательно отразиться на главной задаче — победе над врагом, к которой должны быть направлены все усилия; по окончании же войны вопросы внутреннего строительства будут представлены правительством в законодательные учреждения для широкого суждения в мирной и спокойной обстановке. До тех пор все выступления в этом отношении в ту или иную сторону допускаться не будут.

Время еще есть. Пока народные массы еще не заколыхались и армия вне подозрения, твердая власть, казалось бы, может сохранить в стране порядок, для победы и спокойного развития страны, без колебания исконных начал власти Государей наших.

РГИА. Ф. 1576. Оп. 1. Д. 235. Л. 1–3, 6. Машинопись.

2.

Письмо Н.И. Туган-Барановского С.В. Рухлову¹²

31 августа 1915 г. Петроград.

Ваше Высокопревосходительство Милостивый Государь, Сергей Васильевич.

Имею честь представить при сем Вашему Высокопревосходительству копию записки, представленной мною по примеру прежних записок¹³. Обязуюсь доложить, что организации в Москве и Петрограде идут, по-видимому, вполне успешно¹⁴. Во всяком случае, в обоих городах уже обеспечено, в случае необхо-

димости, их выступление, причем подготовительные распоряжения в Москве уже закончены, в Петрограде же — заканчиваются. В совещаниях у Б[алаше]ва¹⁵ удалось побудить правых националистов выступить в Думе с определенным заявлением. Как изволите знать, это выступление уже состоялось.

Ныне наблюдается у правых организаций несколько улучшенное настроение. Вас многие здесь ждут и искренно сожалеют о Вашем нездоровьи.

По имеющимся у меня агентурным данным, я думаю, что выступления рабочих, в сколько-нибудь значительных размерах, ожидать нельзя, почему и бывшие опасения такового выступления являются преувеличенными. Я видел Алекс[андра] Вас[ильевича Кривошеина]¹⁶, который, как мне показалось, лично не в радужном настроении.

Покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в глубоком уважении [и] в искренней преданности.

Вашего Высокопревосходительства покорный слуга
Н. Туг[ан-]Баранов[ский].

РГИА. Ф. 1576. Оп. 1. Д. 235. Л. 4–4 об. Машинопись с подписью-автографом.

3.

Телеграмма И.Л. Горемыкина¹⁷ графу В.Б. Фредериксу¹⁸

1 сентября 1915 г. 6 ч. 50 м. Петроград.

Во исполнение высочайшего повеления мною преподаны управляющему Министерством внутренних дел подлежащие указания и им сделаны, в дополнение к соглашению с генералом Фроловым¹⁹, соответственные распоряжения по городу Москве и местностям вне театра войны. Прошу доложить государю императору, что на предстоящие в Москве Земский и Городской съезды управляющим Министерством внутренних дел будут командированы особые представители с поручением озаботиться недопущением на этих съездах прений и резолюций, выходящих за пределы непосредственных задач таковых собраний. Скорейшее прибытие в Москву генерала Мрозовского²⁰ представляется, по моему мнению, вопросом настоятельной необходимости. По заявлению князя Щербатова²¹, город Москва и Московский уезд в отношении охраны порядка находятся за недостаточностью полицейской и военной силы в угрожаемом положении.

Статс-секретарь Горемыкин.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 1–1 об. Телеграфный отпуск.

4.

Телеграмма князя Н.Б. Щербатова Николаю II¹

10 сентября 1915 г. 14 ч. 00 м. – 21 ч. 12 м. Петроград.

Всеподданнейше докладываю Вашему Императорскому Величеству: оба съезда в Москве, Общеземский и Общегородской, закрылись 9 сентября вечером, не вызвав каких-либо осложнений. Общеземский съезд принял следующую резолюцию: «В грозный час народного испытания мы, собравшиеся в Москве уполномоченные губернских земств, объединившихся в Всероссийский земский союз, сохраняем непоколебимую веру в силу и доблестный дух родной армии и твердо уповаем на конечную победу, до которой о мире не должно и не может быть речи. Проникнутые сознанием великой ответственности перед отечеством, которая должна объединить всех его сынов, мы будем с неослабным напряжением продолжать развивать нашу работу на пользу армии. Но, будучи убеждены в возможности полного одоления врага, мы с тревогой видим надвигающуюся опасность губительного разрушения того внутреннего единства, которое было провозглашено в самом начале войны с высоты престола, как верный залог победы. Опасность эта устранима лишь обновлением власти, которая может быть сильна только при условии доверия страны и единения с законным ее представительством. Незаменимая работа Государственной думы по усилению обороны вселяла бодрость и уверенность в успехе не только в глубинах народных, но в самой армии. В единении с желаниями страны Государственная дума наметила все пути, которые могут вывести Россию из ниспосланных ей испытаний. Но правительство не пошло на единение с Государственной думой в ее небывало единодушных стремлениях, оно отвергло их и прервало ее деятельность, столь желанную всей стране²². Необходимое для победы взаимодействие общественных и правительственных сил не осуществилось. Мы видим и чувствуем, как глубоко потрясено этим общественное сознание. Это обязывает нас вновь указать на необходимость скорейшего возобновления занятий Государственной думы, которая одна может дать незыблемую опору сильной власти. Тогда только проявятся во всей полноте силы русского народа и его способность выдерживать самые тяжкие испытания. В сознании великой ответственности и долга перед родиной, пусть каждый из нас удвоит свои усилия, необходимые для достижения общей цели — победы, и в дальнейшей напряженной работе да сохранятся нужные для спасения родины порядок и самообладание».

Резолюцию эту решено представить Вашему Императорскому Величеству через депутацию в составе князя Львова²³, председателя Орловской губернской земской управы Маслова²⁴ и уполномоченного Екатеринославского земства Каменского²⁵, октябриста, бывшего члена 3 Думы. Закрывая Съезд, князь Львов предложил провозгласить ура Царю. Все поднялись с мест и провозгласили троекратное ура.

¹ В начале данного документа имеется сделанная синим карандашом резолюция Николая II: «Этих самозванных уполномоченных я конечно не приму, о чем известите Щербатова». Чернильная контрассигнатура министра Двора гласит: «Собственно Его Величества рукою начертано: “Этих самозванных уполномоченных я, конечно, не приму, о чем известите Щербатова”. Генерал-адъютант граф Фредерикс. 11 сентября 1915 г. Царская Ставка».

Общегородской съезд большинством всех голосов против одного принял следующую резолюцию: «Съезд представителей городов России считает своим святым долгом в минуту тяжких испытаний горячо приветствовать нашу стойкую, доблестную родную армию. Пусть знает она, что все мысли и чувства граждан России слиты в стремлении к победе и страстном желании всеми силами помочь героям в тяжелой борьбе, выпавшей на их долю. По-прежнему исполнен русский народ решимости довести войну до конечной победы в тесном единении с нашими верными союзниками. Роковым препятствием на пути к конечной победе стоят все те же старые пороки нашей государственности — безответственность власти и ее оторванность от страны. Необходим решительный честный поворот на новый путь. Это требует долг перед родиной. На смену нынешнего правительства должны быть призваны люди, облеченные доверием народа. Творческая работа народного представительства должна быть возобновлена безотлагательно, а внутренний мир, духовное единство в стране, эти верные условия победы, должны быть обеспечены примирением — забвением прошлой политической борьбы и равенством всех граждан перед законом. Представители городов России, с твердой верой в будущее родины, с полным самообладанием, в спокойном сознании своей правды и силы будут продолжать вместе со всей страной свою неустанную объединяющую работу в помощь армии, памятуя, что всякий час перерыва работ отдалает достижение победы. Съезд представителей городов России поручает особой депутации из трех лиц совместно с представителями Всероссийского земского союза довести до сведения Государя Императора о тревогах и чаяниях, волнующих страну, и представить мнение Съезда о необходимости доведения войны до победного конца, незамедлительного восстановления работы в законодательных учреждениях и призыва к власти людей, пользующихся доверием страны». В депутацию избраны Челноков²⁶, Рябушинский²⁷ и Астров²⁸, избранный вместо забаллотированного как слишком правого Александра Ивановича Гучкова²⁹. Постановления съездов к оглашению в печати не допущены.

Управляющий Министерством внутренних дел
князь Щербатов.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 26–27 об. Машинописная копия.

5.

Телеграмма И.Л. Горемыкина графу В.Б. Фредериксу

10 сентября 1915 г. 17 ч. 35 м. Петроград.

Покорнейше прошу Ваше Сиятельство доложить Его Величеству полученную мною из Москвы нижеследующую телеграмму, которую Главный совет Отечественного патриотического союза просит меня повергнуть на Монаршее благоволение.

«Возмущенный до глубины души революционными выкриками членов всероссийского Съезда Союза городов и Съезда Земского союза и выразив свой протест городскому голове Челнокову, допустившему на съезде поносить

правительство, говорить революционные речи, словом, точно повторяется позорной памяти 1905 г., Съезд хочет дерзнуть обратиться к монарху и представить свои преступные постановления. Русский народ не может допустить, чтобы люди, призванные только для работы на помощь правительству и доблестной армии, самозванно именуя себя народными избранниками, коим никто не давал права и полномочий вторгаться в прерогативы монарха, заниматься политикой, вносить смуту в умы народных масс, подстрекать рабочие массы к бунту и мятежам. Все правые, истинные патриоты русской земли, прекратили всякую партийную работу, но левые открыто начали выступления. Громадное большинство населения неприкосновенно к пожеланиям, настойчиво выдвигаемым самозванными представителями якобы всего народа. Мы выражаем надежду, что правительство, твердо стоя на страже законов, особенно Основных³⁰, примет решительные меры к тому, чтобы работа всего русского общества была всецело исключительно направлена в сторону борьбы с вторгшимся в пределы отечества врагом и чтобы, благодаря попустительству, не создалось в стране настроение, поведшее к событиям позорной памяти 1905 г., вследствие которого была проиграна дальневосточная война».

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 32–34. Подлинник.

6.

Всеподданнейшая записка графа В.Б. Фредерикса^{II}

10 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Статс-секретарь Горемыкин просит меня представить Вашему Императорскому Величеству следующую телеграмму, полученную им из Москвы от Главного совета Отечественного патриотического союза.

«Возмущенный до глубины души революционными выкриками членов все-русского Съезда Союза городов и Съезда Земского союза и выразив свой протест городскому голове Челнокову, допустившему на съезде поносить правительство, говорить революционные речи, словом, точно повторяется позорной памяти 1905 г., Съезд хочет дерзнуть обратиться к монарху и представить свои преступные постановления. Русский народ не может допустить, чтобы люди, призванные только для работы на помощь правительству и доблестной армии, самозванно именуя себя народными избранниками, коим никто не давал права и полномочий вторгаться в прерогативы монарха, заниматься политикой, вносить смуту в умы народных масс, подстрекать рабочие массы к бунту и мятежам. Все правые, истинные патриоты русской земли, прекратили всякую партийную работу, но левые открыто начали выступления. Громадное большинство населения

^{II} В начале записки имеется сделанная синим карандашом резолюция Николая II: «Вполне разделяю высказанные взгляды». Из чернильной контрассигнатуры министра Двора явствует: «Собственно Его Величества рукою начертано: «Вполне разделяю высказанные взгляды». Генерал-адъютант граф Фредерикс. 11 сентября 1915 г. Царская Ставка».

неприкосновенно к пожеланиям, настойчиво выдвигаемым самозванными представителями якобы всего народа. Мы выражаем надежду, что правительство, твердо стоя на страже законов, особенно Основных, примет решительные меры к тому, чтобы работа всего русского общества была всецело исключительно направлена в сторону борьбы с вторгшимся в пределы отечества врагом и чтобы, благодаря попустительству, не создалось в стране настроение, поведшее к событиям позорной памяти 1905 г., вследствие которого была проиграна дальневосточная война».

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 28. Машинопись.

7.

Телеграмма графа В.Б. Фредерикса князю Н.Б. Щербатову

11 сентября 1915 г. 1 ч. 25 м. Царская Ставка.

На телеграмме Вашей с резолюциями закрывшихся обоих съездов в Москве Государь Император изволил начертать следующую резолюцию: «Этих самозванных уполномоченных я, конечно, не приму», о чем повелено сообщить Вашему Сиятельству. Прошу сообщить — предположено ли непосредственное обращение уполномоченных к Его Величеству с ходатайством о приеме, которое могло бы быть еще обсуждено с председателем Совета министров и Вами.

Министр Императорского Двора граф Фредерикс.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 25. Машинописный отпуск.

8.

Телеграмма графа В.Б. Фредерикса И.Л. Горемыкину

11 сентября 1915 г. 1 ч. 30 м. Царская Ставка.

На переданной Вами телеграмме Главного совета Отечественного патриотического союза Государь Император изволил начертать резолюцию: «Вполне разделяю высказанные взгляды». Одновременно Его Величеством была поставлена резолюция на телеграмме управляющего Министерством внутренних дел о решениях закрывшихся обоих съездов в Москве, переданная мною по телеграфу князю Щербатову, следующего содержания: «Этих самозванных уполномоченных я, конечно, не приму». Позволяю себе высказать, что, на случай возбуждения уполномоченными непосредственно ходатайства о приеме, представлялось бы желательным иметь мнение Вашего Высокопревосходительства.

Министр Императорского Двора граф Фредерикс.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 29. Машинописный отпуск.

9.

Всеподданнейшая записка князя Г.Е. Львова и М.В. Челнокова

11 сентября 1915 г. Москва.

Состоявшееся в Москве Собрание уполномоченных губернских земств, объединившихся во Всероссийский земский союз, и Съезд представителей Всероссийского союза городов, в сознании великой ответственности и долга перед родиной, обсудив современное положение России, 9 сего сентября постановили мнение свое повергнуть на благовоззрение Вашего Императорского Величества через особую делегацию, в состав которой избраны от Всероссийского земского союза: главноуполномоченный князь Георгий Львов, председатель Орловской губернской земской управы Сергей Маслов и гласный Екатеринославского губернского земского собрания Петр Каменский и от Всероссийского союза городов: главноуполномоченный Михаил Челноков, председатель Московского биржевого комитета Павел Рябушинский и гласный Московской городской думы Николай Астров.

Всеподданнейше докладывая о состоявшемся постановлении, приемлемость испрашивать, не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству о тревогах и чаяниях, волнующих страну, выслушать голос земской и городской России и повелеть явиться избранной депутации.

Главноуполномоченный Всероссийского земского союза князь Георгий Львов.

Главноуполномоченный Всероссийского союза городов Михаил Челноков.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 23–23 об. Машинопись с собственноручными подписями.

10.

Телеграмма И.Л. Горемыкина графу В.Б. Фредериксу

11 сентября 1915 г. Петроград.

По имеющимся сведениям, уполномоченные Съезда предполагают ходатайствовать о приеме их. В таком случае представлялось бы наиболее удобным им ответить через посредство Вашего Сиятельства, что Его Величество не изволил признавать возможным их принять.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 24. Машинописная копия.

11.

Телеграмма князя Н.Б. Щербатова графу В.Б. Фредериксу^{III}

13 сентября 1915 г. Ц[арская] С[тавка]. 13 сентября 1915 г. Петроград.

Вследствие нашей беседы при последнем свидании, в виду неопределенности возвращения Государя Императора, невозможности прибытия с личным докладом и сложности переживаемого момента, начинаю с завтрашнего дня высылку сообщений относительно настроения умов для доклада Государю Императору по усмотрению Вашего Сиятельства.

Управляющий Министерством внутренних дел князь Щербатов.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 10. Машинописная копия.

12.

Проект телеграммы князю Г.Е. Львову и М.В. Челнокову,
составленный И.Л. Горемыкиным

14 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Его Величество не изволил признать нужным депутации от Земского съезда и Съезда городов. Государь император повелел передать Вам, что Его Императорское Величество не изволил разрешать этим союзам и их съездам говорить от имени земской и городской России.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 13. Машинопись.

13.

Проект телеграммы князю Г.Е. Львову и М.В. Челнокову,
составленный И.Л. Горемыкиным и измененный императором
Николаем II

16 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Его Величество не признал нужным принимать депутацию Земского съезда и Съезда городов. Его Величество поручил мне передать Вам, что Он, ценя заботы и заслуги Земского и Городского союзов по признанию раненых воинов, не изволил давать право этим союзам и их съездам говорить от имени земской и городской России.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 11. Машинопись.

^{III} На телеграмме имеется чернильная помета барона Р.А. Штакельберга: «Доложено г[осподину] м[инистру]. Бар[он] Штак[ельберг]».

14.

Памятная записка барона Р.А. Штакельберга³¹

16 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Настоящее обращение было передано г[осподину] министру [Императорского двора] статс-секретарем Горемыкиным для сообщения главноуполномоченному Всероссийского земского союза князю Львову и главноуполномоченному Союзу городов Высочайшего повеления об отклонении приема депутации.

Редакция телеграммы была составлена ст[атс]-секр[етарем] Горемыкиным.

После переговоров с пред[седателем] Совета министров и упр[авляющим] М[инистерств]ом внутренних дел г[осподином] м[инист]ром Импер[аторского] Двора было испрошено Высочайшее разрешение передать этот вопрос для объявления ответа кн[язю] Щербатову.

Редакцию своей телеграммы кн[язь] Щербатов обещал прислать к г[осподину] м[инист]ру для сведения.

Записано для памяти.

Церемониймейстер барон Штакельберг.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 22. Автограф.

15.

Проект телеграммы князю Г.Е. Львову и М.В. Челнокову,
составленный князем Н.Б. Щербатовым при участии
А.В. Кривошеина, А.Д. Самарина³² и А.А. Хвостова³³

17 сентября 1915 г. Петроград.

Государь император высочайше повелеть соизволил передать Вам, что Его Императорское Величество, ценя труды и заслуги Земского и Городского союзов, проявленные ими в настоящую войну, не находит возможным принять депутацию от съездов по вопросам, не входящим в задачи Земского и Городского союзов.

Управляющий Министерством внутренних дел князь Щербатов.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 12. Машинопись.

16.

Письмо князя Н.Б. Щербатова И.Л. Горемыкину

17 сентября 1915 г. Петроград.

Доверительно.

Милостивый Государь, Иван Логгинович.

Возвращая при сем Вашему Высокопревосходительству проектированный текст телеграммы главноуполномоченным всероссийских Земского и Город-

ского союзов князю Львову и М.В. Челнокову, имею честь препроводить копию телеграммы, выработанной мною по соглашению с А.В. Кривошеиным, А.А. Хвостовым и А.Д. Самариным, с избежанием упоминания о «земской и городской России», как выражения доселе официально не применявшегося.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в отменном моем уважении и совершенной преданности.

Князь Щербатов.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 10. Машинопись с собственноручной подписью.

17.

Проект всеподданнейшего доклада И.Л. Горемыкина, составленный И.Н. Лодыженским³⁴

Не ранее 17 сентября 1915 г. Петроград.

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, по приезде моем в Царскую Ставку, передать мне некоторые адресованные на имя Вашего Величества телеграммы, а также обращенное к Вашему Величеству ходатайство главноуполномоченных всероссийских Земского и Городского союзов князя Львова и Челнокова о приеме Вашим Величеством депутатий, избранных бывшими в Москве съездами представителей названных союзов. Проектированный мною от имени министра Императорского двора ответ князю Львову и Челнокову с отклонением их домогательств повергался мною на Всемилостивейшее Вашего Величества благовоззрение и, удостоенный Высочайшего одобрения Вашего Величества, был мною передан генерал-адъютанту графу Фредериксу. Затем, генерал-адъютант граф Фредерикс, в виду ожидавшегося прибытия в Ставку управляющего Министерством внутренних дел, испросил соизволение Вашего Величества на возложение посылки ответной телеграммы на камергера князя Щербатова. После того, во время обеда 16 сего сентября, Ваше Императорское Величество, вновь возвращаясь к вопросу о посылке телеграммы и к обсуждению ее текста, изволили Всемилостивейше указать мне на желательность включения в телеграмму признания забот и заслуг Земского и Городского союзов по призрению раненых воинов. Таковое Высочайшее указание было мною в точности исполнено и исправленный проект телеграммы был мною передан управляющему Министерством внутренних дел.

Ныне, по возвращении в Петроград, мною получено от камергера князя Щербатова письмо (от 17 сего сентября), с возвращением проектированного мною и одобренного Вашим Величеством текста телеграммы и с препровождением другого проекта этой же телеграммы, выработанного, по удостоверению камергера князя Щербатова, им по соглашению с статс-секретарем Кривошеиным, сенатором Хвостовым и в должности егермейстера Самариным. Из сличения двух прилагаемых у сего проектов Вашему Императорскому Величеству благоугодно будет усмотреть существенное отличие текста выработанного камергером князем Щербатовым проекта, причем сенатор Хвостов мне заявил, что он не принимал

участия в редактировании этого последнего проекта. Не имея, в существе, возражений против редакции, предлагаемой управляющим Министерством внутренних дел, долгом поставляю всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что заключающееся в первоначальном проекте упоминание о «земской и городской России», отвергнутое камергером князем Щербатовым, как выражение, доселе официально не применявшееся, соответствует однородному выражению, употребленному князем Львовым и Челноковым в их ходатайстве. За всем тем, я находил бы совершенно нежелательным допущенное камергером князем Щербатовым отступление от Высочайшего указания Вашего Императорского Величества, заключающееся в замене слов «цена заботы и заслуги Земского и Городского союзов по призрению раненых воинов» выражением «цена труды и заслуги Земского и Городского союзов, проявленные ими в настоящую войну». Подобная замена явилась бы одобрением и подтверждением деятельности названных союзов, нередко направленной на вмешательство в такие области управления, которые им, по точному смыслу положения о них и по объему возложенной на них задачи, ограниченной призрением больных и раненых воинов, вовсе не были представлены. По сим соображениям я находил бы предпочтительным сохранить те слова относительно оценки деятельности союзов, которые были включены в первоначальный проект в соответствии с личным указанием Вашего Величества.

Об изложенном долгом поставляю всеподданнейше довести до сведения Вашего Императорского Величества, представляя при сем полученное мною от управляющего Министерством внутренних дел письмо и два проекта — первоначальный и измененный камергером князем Щербатовым — ответной телеграммы князю Львову и Челнокову.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 19–22. Автограф.

18.

Телеграмма графа В.Б. Фредерикса князю Н.Б. Щербатову^{IV}

17 сентября 1915 г. 23 ч. 00 м. Царская Ставка.

В дополнение вчерашнего разговора, во избежание обострения вопроса, высказываюсь против посылки телеграммы Львову и Челнокову. Убедительно советую вызвать их в Петроград и лично Вам с ними переговорить: указать на несвоевременность возбуждения ходатайства о приеме и неправильный путь обращения, передать им в соответствующей форме указания Его Величества и предложить им высказать Вам все, что имеют доложить Государю Императору, сказав, что Вы доложите об этом Его Величеству. О результате Ваших переговоров, в указанном мною смысле, Вы могли бы лично доложить Его Величеству, если нужно — пользуйтесь моим посредством. Имею основание заявить, что предложенный мною порядок сообщения не вызовет неудовольствия Его Величества. Нужно сделать все,

^{IV} В начале данного документа имеется следующая чернильная помета: «Должено Его Величеству. Генерал-адъютант граф Фредерикс. 18 сентября 1915 г. Царская Ставка».

чтобы не обострять вопроса, но, конечно, придерживаясь при переговорах принципиальных указаний Его Величества, которые Вам известны.

Граф Фредерикс.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 11. Машинописный отпуск.

19.

Разговор по прямому проводу полковника М.М. Загю³⁵ со штабс-капитаном Покидовым³⁶

17 сентября 1915 г. Царская Ставка – Петроград.

– Я Ставка. У аппарата полковник Загю. Прошу позвонить по телефону на квартиру к министру внутренних дел. Там, вероятно, 2 телефона – один у министра в кабинете, один в приемной, номер телефона – 1/11. И спросить – дома ли сейчас господин министр. Спрашивают от министра Императорского двора, и если Его Сиятельство дома, то попросить его принять разговор по телефону, т. е. отсюда будут передавать по аппарату, а Вы будете передавать по телефону, причем для этой передачи пригласите сейчас дежурного офицера или капитана Квашневского³⁷. Понятно? Понятно ли?

– Понял. Сейчас будет все сделано. В настоящее время господина министра дома нет. Секретарь сказал, что он находится в заседании и может быть дома приблизительно часов в двенадцать, но наверное не знает.

– А где он сейчас находится, в каком заседании?

– Сию [минуту] узнаем.

– А узнайте, известно ли секретарю – послана ли уже телеграмма в Москву князю Львову? Нужно срочно сообщить дополнительные сведения, это также узнайте.

– По телефону заявили, что он находится у министра Кривошеина. Остальное сейчас сообщат; может быть, позвонить к министру Кривошеину и, таким образом, соединиться с князем Щербатовым?

– Может. Узнайте, пожалуйста, может ли секретарь позвонить и спросить, посланы ли телеграммы, и потом принять нашу телеграмму для сообщения по телефону князю Щербатову у Кривошеина?

– Секретарь сейчас узнает, послана ли телеграмма, и обещал минут через 15 ответить. А сейчас спрошу номер телефона господина Кривошеина, по которому и передадим князю Вашу телеграмму.

– Здесь просят узнать – узнали ли уже?

– Еще секретарь не ответил, ожидаем ответ и спрашиваем по телефону ожидаемый ответ.

– Узнайте, пожалуйста, если секретарь не может ответить, послана ли телеграмма, то тогда лучше просить.

– Сейчас секретарь ответил, что телеграмма еще не послана и управляющий Министерством внутренних дел отправит ее завтра с фельдъегерем в Ставку на утверждение.

— Так вот, спросите секретаря, как будет удобнее, сейчас будет телеграмма, так как ее передать — секретарю, чтобы он доложил князю Щербатову, или же передать ее по телефону князю Щербатову у министра Кривошеина. Узнайте.

— Сейчас спросим. Секретарь ответил, что удобнее будет непосредственно передать князю Щербатову, и дал номер телефона.

— Тогда дадим телеграмму и, объяснив, что министр Двора беспокоит князя в виду срочности вопроса, и передать ее сейчас же по телефону. И там ли у аппарата господин дежурный офицер.

— У аппарата дежурный офицер штабс-капитан Покидов, который и говорил сейчас с секретарем.

— Телеграмму передает барон Штакельберг. Телеграмма князю Щербатову. Секретно. Ленту просим по передаче уничтожить. Даем. «В дополнение вчерашнего разговора, во избежание обострения вопроса, [высказываюсь] против посылки телеграммы Львову и Челнокову. Убедительно советую вызвать их в Петроград и лично Вам с ними переговорить: указать на несвоевременность возбуждения ходатайства о приеме и неправильный путь обращения, передать им в соответствующей форме указания Его Величества и предложить им высказать Вам все, что имеют доложить Государю Императору, сказав, что Вы доложите об этом Его Величеству. О результате Ваших переговоров, в указанном мною смысле, Вы могли бы лично доложить Его Величеству, если нужно — пользуйтесь моим посредством. Имею основание заявить, что предложенный мною порядок сообщения не вызовет неудовольствия Его Величества. Нужно сделать все, чтобы не обострять вопроса, но, конечно, придерживаясь при переговорах принципиальных указаний Его Величества, которые Вам известны. Граф Фредерикс». Если князь Щербатов найдет возможным высказать сейчас свой ответ на настоящую телеграмму — буду ждать ответа у аппарата. Все.

— Если князь Щербатов пожелает, чтобы ему была прислана эта лента, то как поступить?

— То тогда, конечно, послать в секретном конверте.

— Слушаю, так и будет сделано. Сейчас начну передачу по телефону.

— Жду у аппарата.

— Передана по телефону лично князю Щербатову и ответ будет минут через 5, 10.

— Жду.

— Передаю ответную телеграмму от князя Щербатова графу Фредериксу. «Приношу Вашему Сиятельству глубокую благодарность за полученную телеграмму. Поступило согласно Вашему совету. Князь Щербатов». Кто принял, пожалуйста, сообщите.

— Телеграмму принял лично барон Штакельберг. И сейчас же несет к министру Двора. Все.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 17–18, 19. Телеграфная лента.

20.

Телеграмма графа В.Б. Фредерикса И.Л. Горемыкину

18 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Государь Император повелел мне уведомить Ваше Высочайшее Высочайшее, что, по Высочайшему повелению, поручено князю Щербатову вместо посылки телеграммы вызвать князя Львова и Челнокова для личных переговоров и высказать им на словах по содержанию Вашего проекта телеграммы об отклонении приема депутации и о последовавших принципиальных указаниях Его Величества о допустимых пределах деятельности Земского союза и Союза городов.

Министр Императорского Двора граф Фредерикс.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 11–11 об. Машинописный отпуск.

21.

Телеграмма графа В.Б. Фредерикса князю Н.Б. Щербатову^V

18 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Доложив Его Величеству о посланной мною Вам телеграмме относительно вызова князя Львова и Челнокова для личных переговоров, Государь Император повелел мне подтвердить Вашему Сиятельству, в дополнение к указанной телеграмме, чтобы Вами на словах было высказано все изложенное в первоначальном проекте телеграммы, составленной статс-секретарем Горемыкиным, а именно, что Государь Император предоставляет Земскому союзу и Союзу городов действовать в пределах их прямого назначения помощи раненым и для нужд войны, но не вторгаться в политику, обходя правительство Его Величества. Председатель Совета министров поставлен мною в известность о настоящей постановке вопроса. При этом желательно принять все меры, чтобы настоящий вопрос и переговоры Ваши с названными лицами не получили огласки в печати.

Министр Императорского Двора граф Фредерикс.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 11–11 об. Машинописный отпуск.

22.

Телеграмма князя Н.Б. Щербатова графу В.Б. Фредериксу

18 сентября 1915 г. Петроград.

Во исполнение Высочайшего повеления, переданного мне председателем Совета министров относительно отказа в приеме депутации, я предполагал бы

^V По поводу этой телеграммы см. помету на телеграмме В.Б. Фредерикса Н.Б. Щербатову от 17 сентября 1915 г.

вызвать в Петроград князя Львова и Челнокова и словесно объявить им Высочайшую волю, с приведением мотивов, изложенных в проекте телеграммы, составленной статс-секретарем Горемыкиным. Благоволите, Ваше Сиятельство, испросить одобрение Государя Императора такового предположения.

Управляющий Министерством внутренних дел князь Щербатов.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 12. Машинописная копия.

23.

Письмо И.Л. Горемыкина князю Н.Б. Щербатову

18 сентября 1915 г. Петроград.

Срочно. Секретно.

Милостивый Государь, князь Николай Борисович.

Имею честь препроводить к Вашему Сиятельству копию полученной мною сего числа от министра Императорского двора телеграммы от 18 сентября за № 448, для исполнения преподанного означенною телеграммою Высочайшего повеления. Тем самым, по моему мнению, отпадает надобность в каких-либо дальнейших мероприятиях по содержанию доверительного письма Вашего на мое имя от 17 текущего сентября, с препровождением текста телеграммы главноуполномоченным всероссийских Земского и Городского союзов.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Горемыкин.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 13. Машинопись с собственноручной подписью.

24.

Письмо князя Н.Б. Щербатова И.Л. Горемыкину

18 сентября 1915 г. Петроград.

Доверительно.

Милостивый Государь, Иван Логгинович.

Сего числа мною получена от графа Фредерикса телеграмма, в копии у сего прилагаемая, о том, что последовало Высочайшее повеление мне, в изменение первоначального предположения об отправке ответной на всеподданнейшее ходатайство главноуполномоченных Общеземского съезда князя Львова и Общегородского съезда М.В. Челнокова телеграммы, вызвать их в Петроград для объявления им Высочайшей воли и личных переговоров.

Об изложенном имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство и при том присовокупить, что соответственные телеграммы князю Львову и М.В. Челнокову мною посланы.

Пользуюсь случаем просить принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Князь Щербатов.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 15–15 об. Машинопись с собственноручной подписью.

25.

Телеграмма М.В. Яблонского³⁸ барону Р.А. Штакельбергу

18 сентября 1915 г. 10 ч. 53 м. Петроград.

По поручению князя Щербатова прошу сообщить князю текст обращения депутации московских съездов о приеме.

Секретарь министра внутренних дел Яблонский.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 20. Подлинник.

26.

Телеграмма барона Р.А. Штакельберга М.В. Яблонскому

18 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Копия обращения высылаю князю Щербатову 19 сентября фельдъегерем.

Церемониймейстер барон Штакельберг.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 21. Машинописный отпуск.

27.

Письмо князя Н.Б. Щербатова И.Л. Горемыкину

20 сентября 1915 г. Петроград.

Совершенно доверительно.

Милостивый Государь, Иван Логгинович.

Не имея возможности, по нездоровью, лично почтить Ваше Высокопревосходительство, честь имею уведомить, для сведения, что во исполнение Высочайшего повеления, сообщенного мне через министра Императорского двора, сего числа были мною приняты вызванные из Москвы князь Львов и М.В. Челноков, о чем мною будет представлен всеподданнейший доклад Его Императорскому Величеству.

Пользуюсь случаем, чтобы просить принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Князь Щербатов.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 18. Машинопись с собственноручной подписью.

28.

Письмо князя В.Н. Орлова³⁹ А.В. Кривошеину

1 декабря 1915 г. Тифлис.

Дорогой Александр Васильевич,

телеграмму Вашу я доложил и, по некоторым соображениям, предпочел Вам послать фельдъегерского офицера, чем телеграфировать.

Насколько я знаю, если не ошибаюсь, предлагаемый Вами кандидат в члены Совета наместника, пред[седатель] Орловской губ[ернской] управы Маслов, весьма крупная величина, но, с другой стороны, насколько мне помнится — он чуть ли не прогрессист, в 1906 г. его имя было наряду с Шиповым⁴⁰ и др. Конечно, все это не играет такой уже важной роли, но в данном случае лишь приходится считаться с положением великого князя наместника⁴¹. Великий князь сам, конечно, не боится иметь дело с людьми даже левого направления, при условии, что они умны; это условие соблюдено, ибо Маслов безусловно умный деятель и, повторяю, крупная величина. Вся суть в вопросе, который я считаю нужным Вам поставить; между нами — привлечение на Кавказ Маслова, если бы он пришел сюда, не может ли, при нынешнем направлении, еще больше повредить великому князю, т. е. не скажут ли, что он привлекает на Кавказ элемент чересчур левый и, значит, он сам ведет дело к конституции. Это, по-моему, было бы очень нежелательно. Но это я не передаю Вам от великого князя, это лишь мое личное замечание, которое может и неверное, ибо я за Масловым уже давно не следил. Во всяком случае, примите мои соображения в расчет при Вашем решении, это совершенно между нами. С другой стороны, т. к. вопрос о введении земства на Кавказе вопрос первой важности, Маслов безусловно был бы очень ценен для нас, если бы его назначение было возможно.

Теперь перехожу к тому, что великий князь просил меня Вам сообщить. Великий князь верит Вам абсолютно и посему согласен на кандидатуру Маслова; но великий князь считает для себя неудобным получить от него отказ, если почему-либо это его не устраивало бы, а посему его высочество просит Вас, если Вы считаете Маслова кандидатом, удовлетворяющим всем условиям, требуемым для данного вопроса и положения, ему от себя сообщить, что наместник обратился к Вам с просьбой дать ему лицо для данного вопроса, за которое Вы могли бы дать ему личную рекомендацию, и что Вы его назвали (Маслова) и посему спрашиваете его — устроило ли бы его такое назначение и пошел бы ли он на это, если ему это будет предложено наместником. Словом, его высочество согласен на это назначение, но не хочет получить отказа, а посему просит Вас позондировать почву. Если же Вы узнаете от Маслова, что он не согласен (а я добавлю — если по моим соображениям Вы сочтете лучше его не рекомендовать), то великий князь очень просит Вас рекомендовать ему еще одного или нескольких кандидатов, поставив им номера по желательности их назначения.

Окончив поручение великого князя, перейду еще к одной просьбе.

Во-первых, если Вам надо для ответа мне задержать поручика Липунского⁴², подателя этого письма, то Вы это сделайте не стесняясь, но только дайте телеграмму о получении сего письма и когда Вы думаете отправить ответ.

Засим еще одна к Вам просьба. Вы конечно знаете, что сенатор Никольский⁴³ просил великого князя его освободить от должности заменяющего наместника в Петрограде. Будьте добры, сообщите мне, кого бы Вы советовали взять для этой должности. Дайте мне двух-трех кандидатов. Я считаю, что было бы крайне важно, чтобы представителем наместника было бы лицо, с коим бы считались и в Совете министров, и в законодательных учреждениях, особенно в Думе. Вы можете нам помочь и рекомендовать такое лицо.

Мне бы страшно хотелось с Вами повидаться, да и великий князь был бы страшно рад Вас видеть, с Вами обо всем переговорить; не завернете ли под предлогом отдыха к нам; я же, Вы поймете, двинуться пока никуда не могу. Столько произошло, столько есть грустного и тяжелого и столько бы хотелось с Вами поделиться. Да и тут у нас на Кавказе столько есть Ваших начинаний, Ваших детищ, что хотелось бы от души с Вами поговорить, получить Ваши советы и указания. Если у Вас малейшая возможность, дорогой Александр Васильевич, заезжайте к нам.

О себе что Вам сказать — душой и сердцем отдаюсь делу; много можно тут сделать хорошего — [*1 слово нрзб.*] лишь бы Бог дал сил и умения. Свое же дело — считаю в очень опасном положении. Тут так далеко от Петрограда и друзей больше нет — как бы не заклевали окончательно.

От всей души и сердца Вас обнимаю и прошу — не забывайте Вашего верного, неизменно преданного друга и благодарного

В. Орлова.

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 295. Л. 18–22. Автограф.

29.

Письмо П.П. Зубовского⁴⁴ А.В. Кривошеину

26 декабря 1915 г. Петроград.

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Васильевич.

Я и вся моя семья сердечнейше поздравляем Вас с великим христианским праздником и наступающим Новым годом. От души желаем мы здоровья и всякого благополучия и Вам, и Вашим близким, а Вашему контуженному сыну (об этом вчера узнали от Елены Геннадьевны⁴⁵) скорейшего выздоровления. Да избавит Вас Господь от таких испытаний на будущее время. Горячо желаю я также, чтобы на верхах наступило просветление, чтобы без остатка были изгнаны оттуда гнездящиеся там темные и злые силы, чтобы призваны были к власти светлые разумом и сильные волею деятели, бескорыстно и без всяких партийных видов любящие свою дорогую Родину и понимающие, что нужно сделать для ее пользы, чтобы наступило то единение между властью и обществом, которое нарождалось под Вашим благотворным влиянием, но к великому нашему горю не осуществилось, и без которого, если не совсем не возможна, то чрезвычайно затруднена победа над нашими сильными и хорошо организованными врагами, чтобы, наконец, Господь послал эту давножданную победу, а с нею полное торжество русской правды, русских идеалов, русского благополучия. Как всего этого

жально хочется и как все это еще далеко от нас! И будет далеко, пока не станет во главе правительства лицо, которое сумеет взять все в свои руки и искоренить тормозящие победу разлад и неудачи, господствующие вверху и отражающиеся на низах. Все это, впрочем, мечты, на осуществление которых мало надежды, но накануне Нового года позволяется и помечтать.

Пользуясь тем, что посылаю настоящее письмо через Якова Алексеевича Марусова⁴⁶ и что оно будет получено Вами без цензурного штемпеля, перейду к действительности, как она мне представляется, предупреждая, однако, что я по-прежнему стою несколько в стороне от политики и многого, может быть, не знаю или понимаю неверно.

Прежде всего, о нашем Ведомстве⁴⁷. Ваш уход начинает уже сильно сказываться. Вас опасались трогать и считались с Вами, и под Вашим крылом мы чувствовали себя твердо. С другой стороны, Вы обладали искусством направлять все силы и способности подчиненных Вам лиц к наилучшему достижению намеченных целей, устраняя всякие несогласия и раздор и умеряя личные самолюбия в нашей среде; люди, ненавидевшие друг друга, работали согласно и один другому не мешали. Теперь картина несколько иная. Кампания Министерства внутренних дел против нашего Ведомства заметно усилилась. А.Н. Хвостов⁴⁸, заручившись, помимо И.Л. Горемыкина и других членов Совета, разрешением свыше, написал известное Вам, вероятно, из газет письмо Ивану Логгиновичу о беспорядках по заготовкам для армии и продовольствию и требовал немедленного обсуждения этого письма в Совете министров. Дело было поставлено так спешно и остро, что Иван Логгинович хотел назначить обсуждение связанных с письмом вопросов в отсутствие двух заинтересованных и причастных к делу министров — А.Н. Наумова⁴⁹ и князя Шаховского⁵⁰, из коих первый был болен, а второй в служебной поездке. Говорят, что оскорбленный Г.В. Глинкой⁵¹ в одном из продовольственных совещаний Невиандт⁵² подстроил это и надоумил А.Н. Хвостова настаивать на скорейшем рассмотрении, ссылаясь на указания свыше. Только категорический протест А.Н. Наумова (об этом мне говорил сам А[лександр] Н[иколаевич]) отсрочил обсуждение, которое и состоялось в прошлую субботу. В результате явилось новое совещание из четырех министров, которое и идет хорошо, но при существующих отношениях едва ли из него выйдет какой-нибудь толк⁵³. Наряду с этим те, коим наши поставки были бельмом в глазу, вылезли из всех щелей и начали действовать во всю, вставляя палки в колеса. В большом деле нельзя избежать недочетов и они, конечно, есть и у нас, но при дружной работе всех ведомств их можно было бы обезвредить. В последнее же время нашим агентам на местах мешают все, кто только может, и особенно интенданты, путейцы и чины Министер[ства] вн[утренних] д[ел]. Приезжающие с мест наши землеустроители, участвующие в этом деле, рассказывают нечто невероятное о способах такого противодействия, отчего гибнут продукты на десятки миллионов рублей, а армия получает продовольствие и фураж в недостаточном количестве. Особенно неблагополучно по доставке животных продуктов и фуража. В результате за истекшую неделю ежедневно получалось по несколько самых тревожных телеграмм из Ставки и от отдельных главнокомандующих. Наконец, и в нашей среде начались раздор и несогласия. Сдерживавшиеся Вашим влиянием антипатии проявляются открыто. Д.Я. Слободчиков⁵⁴ и Вл[адимир] С. Кошко⁵⁵ наговаривают на Гр[игория] В. Глинку, последний на них и С.Н. Ле-